СЛОВА

КЪ

ПАСТВѢ ВОЛОГОДСКОЙ.

СЛОВА

КЪ

ПАСТВѢ ВОЛОГОДСКОЙ,

ГОВОРЕННЫЯ

ПРЕОСВЯЩЕННЫМЪ

ИННОКЕНТІЕМЪ,

ЕПИСКОПОМЪ

ХАРЬКОВСКИМЪ И АХТЫРСКИМЪ,

ВО ВРЕМЯ УПРАВЛЕНІЯ ВОЛОГОДСКОЮ ПАСТВОЮ.

Изданіе второе.

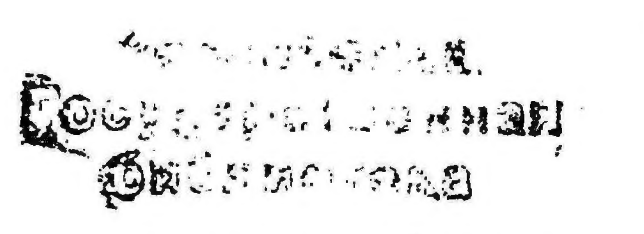
ХАРЬКОВЪ.

Въ Университетской Типографіи.

1860.

От С.-Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. 9 Іюня, 1859 года.

Цензоръ, Архимандритъ *Фотій*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СЛОВО,

ПРИ ВСТУПЛЕНІИ НА ПАСТВУ ВОЛОГОДСКУЮ,

СКАЗАННОЕ ВЪ ВОЛОГОДСКОМЪ УСПЕНСКОМЪ СОБОРѢ.

Миръ вамъ! Лук. 24, 36.

При всей употребительности сего святаго привѣтствія, въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, и при всемъ желаніи моемъ, чтобы миръ Божій всегда водворялся въ сердцахъ и душахъ вашихъ, я не осмѣлился бы теперь употребить сихъ Евангельскихъ словъ въ привѣтствіе, если-бы мнѣ надлежало произнести ихъ къ вамъ отъ моего собственнаго лица. Ибо кто я, чтобы мнѣ изрекать миръ и благословеніе цѣлой Церкви; которая, кромѣ другихъ преимуществъ, красуется цѣлымъ соборомъ святыхъ Угодниковъ Божіихъ, по всѣмъ предѣламъ ея почивающихъ нетлѣнными и чудотворными мощами своими?

Не паче-ли мнѣ самому должно предать себя молитвамъ сей Церкви, и отъ нихъ ожидать мира душѣ моей, и благословенія служенію моему? Но я уже сдѣлалъ сіе при самомъ вступленіи моемъ въ предѣлы паствы Вологодской: а между-тѣмъ, я прихожу къ вамъ, братія, съ тѣхъ святыхъ горъ, откуда возсіялъ свѣтъ Вѣры для всей земли отечественной, — изъ нѣдръ той Церкви, которая достойно и праведно именуется матерію всѣхъ церквей Россійскихъ. Приходя изъ такого мѣста, отъ такой Церкви, какъ не принести съ собою нѣкоего дара духовнаго? — И я, оставляя святый градъ, прилѣжно молилъ о томъ всѣхъ Святыхъ Божіихъ, тамъ нетлѣнно почивающихъ. Дерзая о ихъ-то предстательствѣ у престола Божія, о ихъ богатствѣ духовномъ, я отверзаю теперь уста мои, чтобы отъ лица Церкви Кіевской изречь миръ и благословеніе Церкви Вологодской. Миръ вамъ и благодать отъ Бога Отца, Бога Сына, и Бога Духа Святаго, Троицы единосущной и нераздѣльной, которая равно исповѣдуется и славится на Югѣ и Сѣверѣ, Востокѣ и Западѣ, вездѣ просвѣщаетъ, всѣхъ и все животворитъ и спасаетъ. Миръ вамъ и благословеніе отъ преблагословенной Дѣвы Маріи, Матери Божіей, нерукотво-

ренное изображеніе коей благоговѣйно созерцалъ и лобызалъ я въ самоизбранномъ ею для себя домѣ на земли — святой и чудотворной Лаврѣ Печерской! Миръ вамъ и благословеніе отъ собора Архангеловъ и Ангеловъ, имени коихъ посвящена обитель, въ которой обиталъ я доселѣ! Миръ вамъ и благословеніе отъ св. Великомученицы Варвары, нетлѣннымъ мощамъ коей въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ благочестно предстоялъ я! Миръ вамъ и благословеніе отъ преподобныхъ и богоносныхъ Отецъ Антонія и Ѳеодосія и прочихъ чудотворцевъ Печерскихъ, у подножія коихъ я совершалъ послѣднее служеніе предъ путешествіемъ къ вамъ! За молитвами толикихъ и такихъ предстателей у престола Благодати, я дерзаю надѣяться, что мое желаніе вамъ мира и благословенія не будетъ однимъ праздпымъ привѣтствіемъ, что благодать Божія дѣйствительно осѣнитъ души и сердца ваши.

И одно ли прошедшее и оставленное мною ободряетъ меня? Когда обзираю мысленно паству Вологодскую, то мнѣ кажется, что я изъ одного рая духовнаго переселился въ другой, подобный. Куда ни посмотрю, вездѣ вижу цѣлые лики Святыхъ. Возэрю ли на Востокъ? Тамъ Прокопій Устюжскій от-

водитъ молитвами своими каменную тучу, висящую надъ Устюгомъ; тамъ Θеодосій Тотемскій среди славныхъ источниковъ открываетъ новый неизсякаемый кладязь соли духовной, и самъ содѣлывается солію земли Тотемской, спасающею отъ гніенія души и сердца. Обращусь ли къ Западу? Здѣсь обители св. Павла Обнорскаго, св. Корнилія и Арсенія Комельскихъ высятся яко твердыни духовныя въ прибѣжище и оплотъ воиновъ Христовыхъ, въ отраженіе враговъ видимыхъ и невидимыхъ. Посмотрю ли на Сѣверъ? Тутъ, среди волнъ на скалѣ каменной, вижу несокрушимѣе всѣхъ скалъ и камней раку святаго благовѣрнаго князя Іоасафа, преподобныхъ Петра и Василія. Приникну ли къ Югу? — Тамъ почиваютъ, или лучше сказать, стоятъ на стражѣ духовной святые основатели Церкви Вологодской — священномученики Герасимъ, Іона и Питиримъ. Осмотрюсь ли кругомъ себя? — Се Димитрій Прилуцкій! Се Галактіонъ Спасокаменскій! Се Герасимъ Кіевскій! Се, въ самомъ храмѣ семъ, Антоній Вологодскій!

Огражденные такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ святыми ходатаями и заступниками, *имѣя*, скажемъ словами Апостола, *облежащъ насъ толикъ облакъ свидѣтелей* (Евр. 12, 1) вѣры и упованія, можемъ ли

неблагодушно выйдти на предлежащій намъ и вамъ подвигъ спасенія? — Быть не можетъ, чтобы святые Угодники оставили насъ своею помощію, коль скоро мы будемъ обращаться къ нимъ за нею съ усердною молитвою, и будемъ идти неуклонно по святымъ стопамъ ихъ. А мы будемъ дѣлать сіе, будемъ и сами идти и васъ вести туда-же, куда шли и дошли они.

Что-же намъ именно должно дѣлать для сего? Въ чемъ должно состоять наше служеніе среди васъ? Чего въ правѣ ожидать и требовать отъ насъ вы? Чего должно желать отъ васъ намъ? — Когда я предлагалъ самъ себѣ сіи вопросы, то всякой разъ слышалъ въ отвѣтъ сіи слова Апостола: *той* (Господь Іисусъ) *далъ есть овы убо Апостолы, овы же благовѣстники, овы же пастыри и учители, къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія, къ созиданію тѣла* Церкви Христовой (Еф. 4, 11. 12). То есть, братія мои, Пастыри Церкви, по свидѣтельству Апостола, даются для того, чтобы руководить насъ на пути къ вѣчному спасенію, чтобы служить намъ при духовномъ возрожденіи нашемъ въ жизнь вѣчную, чтобы назидать насъ въ вѣрѣ, любви и упованіи Христіанскомъ, чтобы охранять насъ отъ

соблазновъ міра и навѣтовъ духа злобы, чтобы врачевать недуги души и язвы совѣсти нашей, чтобы содѣлывать насъ благодатію Христовою живыми храмами Духа Святаго, чтобы приготовлять насъ въ мирѣ къ переходу въ міръ высшій и лучшій. —

И такъ, вотъ предметъ дѣятельности и цѣль служенія нашего у васъ: мы должны быть вашими отцами духовными и пастырями, вашими духовными судіями и посредниками, вашими духовными наставниками и руководителями, вашими духовными врачами и утѣшителями, заступая у васъ мѣсто Апостоловъ Христовыхъ.

Если-бы смотрѣть при семъ случаѣ на скудость своихъ силъ, на недостатокъ всѣхъ человѣческихъ средствъ; то намъ, при настоящемъ случаѣ, сто разъ надобно было бы воскликнуть съ Апостоломъ: *кто къ симъ доволенъ?* (2 Кор. 11, 16). Сто разъ надлежало бы сказать съ Моисеемъ ко Господу: *избери могуща иного, егоже послеши* (Исх. 4, 15).

Но тотъ, Кто далъ своей Церкви пастырей и учителей, провидѣлъ нашу немощь и заранѣе сдѣлалъ все для восполненія нашихъ недостатковъ. Въ книгахъ Пророческихъ и Апостольскихъ столько свѣта, что его станетъ для озаренія всѣхъ заблуждающихъ,

для прогнанія всякой тьмы; въ таинствахъ Христіанскихъ столько силы и дѣйствительности, что ихъ достаточно для укрѣпленія всѣхъ немоществующихъ духомъ, для исцѣленія всякой язвы совѣсти. Кромѣ сего, всемогущій Спаситель нашъ всегда самъ среди Церкви своей, и невидимо — силою и благодатію, и видимо — Тѣломъ и Кровію своею. Здѣсь-же, между нами, всегда Духъ истины, коего Онъ, вознесшись на небо, послалъ намъ отъ Отца, *да будетъ съ нами во вѣкъ*, да наставляетъ насъ на всякую истину, да облекаетъ насъ силою свыше, да утѣшаетъ насъ во всякой скорби и обстояніи. Послѣ сего, намъ остается только пользоваться тѣмъ, что въ такомъ избыткѣ давно уготовано, остается быть слугами и строителями таинъ Божіихъ, оказывать вѣрность и усердіе въ домостроительствѣ спасенія нашего.

И мы торжественно, предъ лицемъ сего престола Благодати, на коемъ невидимо возсѣдитъ самъ Царь славы, обѣщаемъ Ему и вамъ сію вѣрность и сіе усердіе. Вы не услышите отъ насъ ничего, кромѣ того, что содержится въ словѣ Божіемъ, что провѣщано для нашего спасенія Пророками и Апостолами. Будемъ преподавать истины спасенія во всей ихъ простотѣ и чистотѣ, не льстя слуху и при-

вычкамъ, не подделывая слова Божія подъ вкусъ вѣка сего, не ища *отъ человѣкъ славы, ни отъ васъ, ни отъ иныхъ* (1 Сол. 2, 6). Не будемъ жалѣть ни времени, ни силъ, ни трудовъ, только-бы совершить свое дѣло и достигнуть цѣли. Нужно ли будетъ возвѣстить горе безчувственнымъ и нераскаяннымъ? Мы возвысимъ съ Пророкомъ, яко трубу, гласъ свой, окружимъ себя грозою Синая и Хорива. Нужно ли будетъ ободрить и утѣшить отчаянныхъ? Мы сдѣлаемся, подобно Апостолу, *тихи*, какъ кормилица у колыбели дитяти. Постараемся, по примѣру св. Павла, *быть всѣмъ вся, да всяко нѣкія пріобрящемъ* (1 Сол. 2, 7).

Вотъ наше намѣреніе и обѣты! Сердцевѣдецъ видитъ, что они исходятъ изъ глубины души, Ему преданной, отъ сердца, жаждущаго вашего спасенія. Ничто не уклонитъ насъ съ нашего пути, не заслонитъ священной цѣли, къ коей стремимся. Мы единожды и навсегда предали себя въ волю Его всемогущаго, всецѣло посвятили себя на служеніе Ему и дѣлу вашего спасенія; для сего готовы положить самую душу свою.

Раскрывая такимъ образомъ предъ вами душу и сердце свое, мы надѣемся, что и вы воскрылитесь

новою ревностію къ дѣлу спасенія вашего, новымъ усердіемъ къ Церкви Божіей; что вы приложите все вниманіе къ тому, что будетъ возвѣщаемо вамъ, примите благодушно все, что почтено будетъ нужнымъ сдѣлать для усиленія между вами вѣры и любви во Христѣ. Надѣемся, что вы будете искать въ наставленіяхъ нашихъ не словъ красивыхъ, а духа и силы евангельской; что вы безъ огорченія услышите самыя обличенія, когда они будутъ нужны. Наконецъ, мы надѣемся, что вы будете вспомоществовать намъ вашими молитвами: ибо если Пастыри должны быть свѣтильниками для паствы; то молитвы о нихъ пасомыхъ должны быть елеемъ для сихъ свѣтильниковъ.

Вотъ наши желанія и наши надежды въ отношеніи къ вамъ! — Другаго ни чего не желаемъ и не ищемъ.

И такъ, призвавъ Господа на помощь, соединимся всѣ въ одномъ святомъ намѣреніи и пойдемъ дружно всѣ къ единой общей цѣли — нашего спасенія. Быть не можетъ, чтобы Господь не благословилъ сего союза, не подалъ намъ — благодати послужить вашему спасенію, а вамъ — воспользоваться симъ служеніемъ ко благу душъ вашихъ.

Господи Іисусе, единый истинный и вѣчный Пастыреначальниче! Ты самъ благоволилъ обѣщать въ словѣ Твоемъ: *еже аще что просите отъ Отца во имя Мое, то сотворю. Просите и дастся вамъ* (Іоан. 14, 13. Мат. 7, 7). Се мы всѣ просимъ у Тебя единаго: пріими всѣхъ насъ подъ Твое великое пастыреначальство, и буди нашимъ Вождемъ и Наставникомъ, а мы всѣ *людии твои*, и *овцы пажити твоея*, отнынѣ и до вѣка! Аминь.

СЛОВО,

ПРИ ВТОРОМЪ СЛУЖЕНІИ, ПО ВСТУПЛЕНІИ НА ПАСТВУ ВОЛОГОДСКУЮ,

СКАЗАННОЕ ВЪ ВОЛОГОДСКОЙ КЛАДБИЩЕНСКОЙ ЦЕРКВИ.

Можетъ быть, для нѣкоторыхъ кажется не совсѣмъ обыкновеннымъ, что мы, неосмотрѣвшись еще, такъ сказать, на мѣстѣ новаго служенія нашего въ градѣ семъ, поспѣшили на служеніе сюда, къ послѣднему мѣсту всѣхъ и каждаго: но для насъ это было естественно. Ибо на Пастыряхъ Церкви лежитъ долгъ пещись не о живыхъ только, но и объ умершихъ; и о послѣднихъ, если можно, болѣе, нежели о первыхъ: ибо живые могутъ и должны пещись о своемъ спасеніи и сами; а умершимъ кто можетъ оказать помощь, кромѣ св. Церкви? Молитвы о нихъ и безкровная жертва за нихъ, — вотъ

ихъ единственное прибѣжище! — Посему-то мы, памятуя долгъ свой къ живымъ и мертвымъ, и совершивъ его, по возможности, въ прошедшее служеніе въ отношеніи къ первымъ, нынѣ поспѣшили сюда для принесенія молитвъ за послѣднихъ, желая скорѣе преподать такимъ образомъ нѣкое утѣшеніе духовное и почившимъ о Господѣ братіямъ нашимъ.

На свои ли слабыя молитвы уповая, говоримъ мы такимъ образомъ? Нѣтъ, молимся ли мы о живыхъ, или мертвыхъ, наше упованіе Тотъ, Кто единъ обладаетъ живыми и мертвыми. Безъ Его всесильной помощи, самъ по себѣ, кто дерзнетъ стать между землею и небомъ? Кто можетъ явиться предъ лице правды Божіей даже съ едиными собственными грѣхами? Но, облеченные силою заслугъ Христовыхъ, съ кровію завѣта вѣчнаго, на Голгоѳѣ за всѣхъ насъ пролїянною, мы смѣло приступаемъ къ престолу Благодати, и воздѣваемъ руки о успокоеніи душъ усопшихъ братій нашихъ, здѣ почивающихъ.. —

Какой великій соборъ ихъ долженъ быть теперь среди насъ! Меня проницаетъ трепетъ, при мысли, что духовный взоръ ихъ устремленъ теперь на меня, и что нѣкоторые изъ нихъ, можетъ быть, жаждутъ услышать отъ меня слово спасенія!..

Но, усопшіе братія, научите меня, какимъ языкомъ долженъ я бесѣдовать съ вами! — Приму ли голосъ наставника? Ваше поприще кончено; время наставленій прошло; и теперь вы лучше всѣхъ насъ сами видите, правду ли говорили вамъ учители Церкви, когда утверждали, что *едино есть на потребу* человѣка, и что нѣтъ никакой пользы, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а погубитъ душу свою. Начну ли говорить къ вамъ языкомъ утѣшителя? Но какъ дерзнуть ручаться за то, что происходитъ въ вашемъ мірѣ, который закрытъ отъ насъ непроницаемою завѣсою, гдѣ все не по нашему, хотя многое отсюда, гдѣ тысяща лѣтъ, яко день единъ, и, можетъ быть, день единъ бываетъ яко тысяща лѣтъ!.. Изреку однакоже, что внушаетъ мнѣ Евангеліе и собственное сердце: благодать Господа нашего Іисуса Христа, и любы Бога и Отца, и причастіе Святаго Духа да пребудетъ и со всѣми вами! — Да пребудетъ со всѣми! Ибо не всѣ ли вы сопровождены на мѣсто настоящаго покоя вашего молитвами и благословеніями св. Церкви? Не надъ всѣми ли вами возглашено разрѣшеніе отъ грѣховъ? Не у всѣхъ ли васъ въ рукахъ Крестъ Христовъ?

О, возлюбленные, держитесь крѣпко, и не престанно держитесь сего якоря спасенія! Доколѣ Крестъ Христовъ въ рукахъ и въ сердцѣ вашемъ, какъ-бы ни были крѣпки волны внутреннихъ и внѣшнихъ искушеній, никакая бездна не поглотитъ васъ. Живая вѣра въ Распятаго превозможетъ все, изведетъ отъ всего, управитъ во всемъ и ко всему. Всесильное ходатайство и смерть за грѣхи наши Сына Божія, дражайшаго Спасителя нашего — вотъ ваша сила, ваша пища, ваше утѣшеніе, ваше спасеніе! Стремитесь, сколько можете, горѣ, къ престолу благодати Его, стремитесь всѣми останками ума и сердца, всѣми силами совѣсти и чувства; а для успѣха въ семъ не озирайтесь вспять. Что вамъ въ землѣ, которую вы оставили навсегда? Что вамъ въ нашемъ мірѣ, который исчезъ для васъ невозвратно? Онъ, этотъ міръ, и теперь тотъ-же, что былъ при васъ: такъ-же весь лежитъ во злѣ и меракѣ, такъ-же весь исполненъ неправдъ и соблазновъ; то-же невѣдѣніе путей живота, то-же небреженіе о своемъ спасеніи, та-же злоба и лукавство, та-же нечистота, чувственность и страсти. — Вы испытали уже въ часъ смерти всю тщету земнаго и временнаго; видѣли, какъ ни что не помогаетъ человѣку

въ день скончанія его: не озирайтесь же, возлюбленные, вспять къ немощнымъ и худымъ стихіямъ міра нашего; воздыхайте ко граду горнему и вѣчному, *емуже художникъ и содѣтель Богъ.* — Когда почувствуете благотворное вѣяніе молитвъ, несущихся изъ нашего міра о васъ ко престолу Благодати, расправляйте въ то время и вы крылѣ духа своего вѣрою и порѣвайтесь всѣмъ существомъ его горѣ, въ объятія любви вѣчной! — А мы, какъ теперь и здѣсь призывали, такъ всегда и вездѣ будемъ призывать на васъ милосердіе Отца Небеснаго, и всепримиряющую силу заслугъ Христовыхъ! —

Что касается до васъ, братіе, здѣ стоящіе, то мы не намѣрены нынѣ бесѣдовать съ вами; ибо мы сами пришли сюда не столько учить, какъ учиться. Пойдемте вмѣстѣ на могилы братій нашихъ и посмотримъ, что тамъ!

Что съ знатностію и славою, что съ мудростію и познаніями, что съ богатствомъ и роскошью? Увы, самый знатный здѣсь такъ-же снѣдь червей, какъ и послѣдній бѣднякъ; самый мудрый и краснорѣчивый такъ-же безгласенъ, какъ и малое дитя: кости у перваго изъ богачей лежатъ равно голы, какъ у того, кто всю жизнь не имѣлъ чѣмъ прикрыть

своей наготы; все изравнено, сглажено, стерто, обращено въ прахъ рукою смерти! — А мы гоняемся за всѣмъ симъ; въ этомъ полагаемъ задачу и цѣль жизни; на сіе самое тратимъ силы и здоровье; на это мѣняемъ не рѣдко совѣсть и душу. Ахъ, братіе мои, кто могъ ослѣпить насъ столь ужаснымъ образомъ! — Развѣ не предъ нами могилы братій нашихъ? Развѣ мы созданы иначе, нежели они, и съ нами не сдѣлаетъ смерть того-же, что сдѣлала съ ними? Зачѣмъ же мы повторяемъ одну и ту-же ошибку? Зачѣмъ не поймемъ истинную цѣль жизни? не устремимся за единымъ на потребу?

Сіи и подобныя размышленія срѣтятъ насъ на могилахъ братій нашихъ, срѣтятъ непремѣнно, если только мы, ходя между сими могилами, не будемъ подобны тѣмъ памятникамъ, кои стоятъ надъ ними; если будемъ помнить, что лежащіе здѣсь за нѣсколько лѣтъ, а нѣкоторые за нѣсколько дней, были подобны намъ, ходили какъ и мы теперь здѣсь, нѣкоторые думали, а нѣкоторые, вѣроятно, и недумали, что имъ скоро лежать здѣсь; если притомъ перенесемся мыслію къ своему послѣднему дню, вообразимъ какъ и насъ принесутъ на кладбище и

опустятъ въ землю, какъ и надъ нами возвысится дерновый холмъ и ляжетъ надгробный камень, какъ придетъ любимый нами человѣкъ и оросить слезою нашу могилу, а, можетъ быть, и не придетъ никто, и одна св. Церковь, сія общая матерь, не забудетъ насъ въ молитвахъ своихъ; и мы будемъ лежать въ землѣ до того страшнаго дня, когда всѣмъ надобно будетъ возстать и явиться на судъ страшный. Если вы въ подобныхъ мысляхъ проведете, братіе, краткое время вашего пребыванія здѣсь, то вы услышите поученіе, лучше коего никто не можетъ сказать вамъ.

И подобныя поученія слышать здѣсь вы можете всегда, какъ только захотите: ибо у живыхъ только языкъ измѣняется и становится иногда не похожъ самъ на себя, а у мертвыхъ всегда одинъ и тотъ-же: могилы никому не польстятъ и не скажутъ неправды. Посему, когда почувствуете нужду въ наставленіи, спѣшите сюда; здѣсь проповѣдь всегдашняя: всегда услышите, что жизнь наша кратка и внезапу прерываема, что все на землѣ тлѣнно и ничтожно, кромѣ совѣсти и души безсмертной; что надобно отличать и обогащать себя тѣмъ, что вмѣстѣ съ душею преходитъ въ вѣчность, то есть, дѣ-

ламп благими, что тотъ изъ насъ ужасный врагъ самъ себѣ, кто живетъ такъ, какъ-бы ему никогда не умирать. Аминь.

СЛОВО,

СКАЗАННОЕ ВЪ ВОЛОГОДСКОМЪ УСПЕНСКОМЪ СОБОРѢ,

ПРЕДЪ МОЛЕБСТВІЕМЪ,

ПО СЛУЧАЮ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ЗАСУХИ И ПОЖАРОВЪ ЗЕМНЫХЪ, МРАКА И ДЫМА ВЪ ВОЗДУХѢ.

Наконецъ, братіе мои, насъ всѣхъ учитъ само небо! — И какъ учитъ? какъ учило нѣкогда древнихъ Египтянъ — огнемъ и мракомъ! Странное и страшное зрѣлище! Мы со всѣхъ сторонъ окружены огнемъ, и въ то-же время покрыты — тьмою! страждемъ отъ засухи, и не видимъ солнца! Таковъ гнѣвъ небесный! Таковъ и здѣсь — во времени, на землѣ милосердія: что же будетъ тамъ — въ странѣ воздаяній, гдѣ во всей силѣ воздѣйствуетъ законъ суда и правды?

Но, точно ли надъ нами гнѣвъ небесный? Не слу-

чай ли это и неблагопріятное стеченіе причинъ естественныхъ? — Ахъ, можетъ ли быть случай тамъ, гдѣ все движется подъ перстомъ Всемогущаго и Всевѣдущаго? — Что такое природа, со всѣми ея силами, какъ не видимое и разнообразное облаченіе единой невидимой силы Творческой? Если въ дому благоразумнаго домовладыки не можетъ произойдти ничего важнаго безъ его вѣдома и воли, тѣмъ паче — вопреки его намѣреніямъ: то можетъ ли быть что-либо подобное въ дому Домовладыки небеснаго, который вездѣ есть и все исполняетъ своимъ существомъ и силою? И если мрачное чело и грозный видъ домовладыки служатъ вѣрнымъ признакомъ, что въ дому есть нѣчто, для него нетерпимое: то мрачный видъ нашего неба, пылающее лице нашей земли не ясно ли сказываютъ намъ, что среди насъ и въ насъ есть нѣчто такое, на что Царь неба и земли не можетъ взирать безъ гнѣва?

Что такое именно? Это довѣдомо Ему единому. Для насъ довольно знать, первое — что всякій грѣхъ есть мерзость предъ очами святости Божіей, а мы всѣ грѣшники, и нѣтъ грѣха, коего не нашлось бы между нами; второе — что для отвращенія гнѣва небеснаго нѣтъ другаго средства у грѣшниковъ, кромѣ

покаянія и исправленія своей жизни. Посему, прежде нежели приступимъ къ престолу Благодати, и дерзнемъ воздѣть руки съ моленіемъ объ отвращеніи казни, насъ облежащей, обратимся къ себѣ самимъ, приникнемъ въ нашу внутренность и посмотримъ, что тамъ? Каковъ воздухъ въ нашей душѣ? Какова земля нашего сердца? — Нѣтъ ли и здѣсь мрака и тьмы, и — можетъ быть — Египетской? Нѣтъ ли и здѣсь засухи и окаменѣнія, и — можетъ быть — Вавилонскаго? Нѣтъ ли и здѣсь огня и пламене, и — можетъ быть — адскаго?

Намъ даны всѣ средства къ тому, чтобы не оставаться въ духовной тьмѣ, выдти изъ естественнаго невѣдѣнія о Богѣ и душѣ, объ участи, ожидающей насъ за гробомъ, и о средствахъ къ нашему вѣчному спасенію: солнце откровенія Божественнаго всегда надъ главою нашею; книга слова Божія всегда въ рукахъ нашихъ; Церковь, сіе училище Божіе, открыта со всѣхъ сторонъ каждому; — читай и поучайся, слушай и поучайся, смотри и поучайся. — Кругомъ свѣтъ и истина. Но много ли свѣтлыхъ и богопросвѣщенныхъ? — Посмотрите на милліоны собратій въ низкой долѣ, и спросите ихъ о чемъ-либо, касающемся вѣры и упованія Христіанскаго; они,

вмѣсто отвѣта, скажутъ вамъ: мы люди темные! Обратитесь къ людямъ, такъ называемымъ, образованнымъ, заговорите съ ними о пути ко спасенію, о самомъ Спасителѣ; рѣдко не окажется, что и они, при всѣхъ дарованіяхъ, при всѣхъ, часто обширныхъ, познаніяхъ въ земномъ, — въ отношеніи къ небесному — люди темные! Кругомъ тьма и невѣдѣніе! Отчего? Оттого, что не хотятъ озаряться свѣтомъ небеснымъ; оттого, что не почитаютъ нужнымъ знать, что̀ будетъ съ ними за гробомъ; оттого, что все читали и изучали сто разъ, и, можетъ быть, ни разу не брали въ руки Библіи и книгъ церковныхъ.

Въ-правѣ ли же мы, когда внутрь насъ такая тьма, требовать, чтобы внѣ насъ всегда было свѣтло и ясно? Не скорѣе ли должно желать, чтобы совершенно померкъ, хотя на время, всякой свѣтъ чувственный, дабы вспомнили, что есть свѣтъ духовный, и начали имъ пользоваться?

Намъ даны всѣ силы и средства, *потребныя къ животу и благочестію*, къ тому, чтобы мы въ семъ вѣкѣ были тверды и непоступны въ истинѣ, — жили праведно, цѣломудренно и благочестно, и являлись плодоносны во всякомъ благомъ дѣлѣ. Для сего об-

лака дарованій духовныхъ всегда носятся надъ землею сердецъ нашихъ: роса Благодати всегда готова къ ихъ освѣженію; въ сѣменахъ духовныхъ ни для кого нѣтъ недостатка; самыя бразды въ душѣ и сердцѣ во множествѣ проводятся невидимою рукою Провидѣнія, — посредствомъ событій въ жизни нашей. Какъ бы не прозябать благимъ мыслямъ и чувствамъ! Какъ бы не цвѣсти въ насъ вѣрѣ и любви Христіанской! не зрѣть плодамъ смиренія, милосердія, чистоты и правды! — Но осмотритесь кругомъ себя: гдѣ святость мыслей и чистота намѣреній? гдѣ подвиги любви и самоотверженія? гдѣ плоды правды? Вездѣ сухость и безплодіе, тернъ на тернѣ, камень на камени! — Отчего? оттого, что преданы плоти и крови, работаютъ всѣмъ существомъ міру и его похотямъ; а попеченіе о единомъ на потребу, о душѣ и совѣсти считаютъ, если только считаютъ, самымъ послѣднимъ изъ своихъ попеченій. Ахъ, еслибы хотя сотая часть того времени и труда, кои иждиваются на воздѣланіе полей, на усовершенствованіе домашней экономіи, на забавы и удовольствія, употреблялась на воздѣланіе души безсмертной; далеко не то было бы съ нашими нравами и жизнію!

Послѣ сего въ-правѣ ли мы требовать, чтобы по-

попраемая стопами нашими земля была лучше духа и сердца нашего? чтобы она постоянно разверзала нѣдра, и возвращала намъ сѣмена сторицею, когда мы *заключаемъ утробу при видѣ брата* бѣдствующаго (Іоан. 3, 17). Не должно ли, напротивъ, желать, чтобы, хотя по временамъ, стихіи отказывались служить намъ, чтобы изсякали источники всѣхъ чувственныхъ прибытковъ и удовольствій, дабы мы престали упиваться изъ нихъ на погибель душѣ своей, и вспомнили о водѣ, текущей въ жизнь вѣчную?

У Христіанина, наконецъ, есть средство, къ пресѣченію самаго пламени страстей своихъ — это благодать Духа Святаго! къ угашенію самаго огня гнѣва небеснаго — это кровь Сына Божія, нашего Искупителя! — Какого искушенія препобѣдить, какого врага нельзя преодолѣть съ помощію Духа Вседержителя? какой правдѣ удовлетворить, какого грѣха очистить нельзя посредствомъ искупительной крови Агнца Божія? Оставалось бы только окропляться въ духѣ вѣры сею кровію; и мы были бы бѣлы, какъ снѣгъ; и всѣ неправды наши были бы заглажены на-вѣкъ. Оставалось бы только облекаться силою Благодати свыше, дѣйствовать всеоружіемъ духовнымъ, намъ даннымъ; и мы были бы цѣлы, крѣпки

и неприступны. А мы, если и являемся во время исповѣди предъ зерцало правды Божіей; то необлеченные въ силу заслугъ Христовыхъ, съ чувствомъ лжеправедности фарисейской, а не въ духѣ мытаря и разбойника благоразумнаго, оттого и отходимъ безъ истиннаго мира въ совѣсти, безъ божественнаго глагола прощенія въ душѣ. А мы, если и покушаемся иногда стать противъ искушенія на грѣхъ; то употребляемъ для сего однѣ силы, или, лучше сказать, одну немощь своего ума и совѣсти: оттого падаемъ непрестанно и разбиваемся въ прахъ. И такъ поступаютъ еще лучшіе изъ насъ; а какъ поступаетъ большая часть? — При малѣйшей искрѣ соблазна, вмѣсто того, чтобы гасить пламень грѣховный, раздуваютъ его всѣми способами, обращаютъ въ пожаръ сердечный, и — объятые съ ногъ до главы огнемъ, вмѣсто того, чтобъ вопіять о помощи небесной, веселятся и торжествуютъ подобно лишеннымъ ума; и, сожженные, наконецъ, въ своей совѣсти, съ торжествомъ возсѣдаютъ на развалинахъ и пеплѣ храма души своей.

И мы удивляемся послѣ сего, какъ око неба помрачается негодованіемъ, какъ лице земли воспламеняется гнѣвомъ! Подивимся скорѣе, какъ солнце мо-

жетъ сносить зрѣлище всѣхъ нечистотъ и злодѣяній, кои принуждено освѣщать ежедневно и ежеминутно? Какъ земля не изнеможетъ подъ тяжестію неправдъ человѣческихъ, и, послѣдуя примѣру своего жителя и владыки, сама не уклонится съ пути во-кругъ солнца? Какъ воздухъ, непрестанно наполняемый словами гнилыми и зловредными, не растлится въ конецъ отъ нечистаго нашего дыханія? Какъ, наконецъ, всѣ стихіи, непрестанно всякимъ образомъ злоупотребляемыя человѣкомъ, исторгаемыя изъ своего чина, уклоняемыя отъ своей цѣли, не выйдутъ наконецъ совершенно изъ порядка, *имъ назначеннаго*, не возстануть противъ своего притѣснителя, не устремятся на всеобщаго возмутителя, не разразятся всегубительствомъ надъ главою врага Божія? — И не будемъ думать, что силы природы, насъ окружающей, безчувственны; а потому для нихъ все равно, какъ мы ни поступаемъ съ ними: нѣтъ, въ мірѣ Божіемъ — все жизнь и дѣйствіе, вездѣ чувство и смыслъ. Апостолъ слышалъ нѣкогда, какъ вся тварь (замѣтьте выраженіе — *вся тварь*) стонетъ и воздыхаетъ оттого, что человѣкъ своимъ грѣхопаденіемъ лишилъ ее *свободы* чадъ *Божіихъ*, и повергъ въ тяжкую работу суетѣ и тлѣнію. Воздыхаетъ, но

не выходитъ изъ повиновенія человѣку, заставившему ее томиться въ узахъ; воздыхаетъ, но продолжаетъ работу самой суетѣ. Почему? Потому, что такъ заповѣдано ей Тѣмъ, Кто не хощетъ смерти грѣшника, но даетъ ему время, *во еже обратитися и живу быти.*

Въ силу сего закона милосердія, безъ сомнѣнія, и теперь мракъ, насъ облежащій, разсѣется, и мы паки узримъ солнце во всей лѣпотѣ его: но что узритъ сіе солнце въ насъ? Узритъ ли хотя единую слезу покаянія на лицахъ нашихъ? Узритъ ли какое-либо бѣдное семейство, какого-либо безпомощнаго сироту, взятыхъ на попеченіе богачемъ? Узритъ ли раздраннымъ рукописаніе бѣднаго должника, неимущаго чѣмъ воздать заимодавцу? Узритъ ли слугу, преставшимъ терпѣть отъ жестокости и прихотей своего господина? Узритъ ли храмы Божіи болѣе полными, таинства болѣе пріемлемыми и чтимыми? домашнюю молитву болѣе наблюдаемую? Узритъ ли менѣе шумныхъ полночныхъ игръ, убивающихъ душу и тѣло, честь и состояніе? менѣе кощунства и словъ праздныхъ?.. — Безъ сомнѣнія, и земля престанетъ горѣть вокругъ насъ; ибо еще не наступилъ тотъ страшный часъ, когда *стихіи сжигаеми ра-*

горятся, и земля со всѣми дѣлами, яже на ней, сгоритъ (Петр. 3, 10). Но что будетъ съ тѣми плодами, кои она паки начнетъ износить изъ нѣдръ своихъ? съ плодами, омытыми потомъ и слезами бѣднаго земледѣльца? — Не отымутся ли они, по прежнему, нещадно отъ гладныхъ устъ его семейства? не пойдутъ ли въ пищу роскоши и прихотей? Не отдадутся ли за предметы совершенно безполезные и даже душевредные? не поставятся ли прямо въ цѣну беззаконія и соблазна?

Не на устыденіе и укоризну, а въ поученіе и общее назиданіе говорю сіе; говорю по необходимости: среди огня гнѣва небеснаго, коимъ окружены мы, нельзя быть хладнымъ свидѣтелемъ неправдъ человѣческихъ. И кто-же возглаголетъ, когда мы умолчимъ? И какъ молчать, когда само небо и земля вопіютъ противу насъ? Завѣса мрака равно простерта Десницею всемогущею надъ проповѣдающимъ, какъ и надъ слушающими. Всѣмъ должно смириться; всѣмъ должно осмотрѣться! Возвѣстите, что подлежитъ въ насъ исправленію; и мы съ радостію приложимъ слухъ словамъ вашимъ. И безъ того, мы чувствуемъ вполнѣ недостоинство наше; и — сошедши съ сего мѣста, на которое заставилъ взойдти насъ

долгъ званія нашего, готовы стать у прага церковнаго и воззвать съ мытаремъ: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!* Но, доколѣ стоимъ здѣсь, мы должны вѣщать истину, какъ бы ни была она непріятна для чувственности: и горе намъ, если мы измѣнимъ гласу ея въ то время, когда самыя стихіи предваряютъ нашу проповѣдь!

И такъ, братіе мои, если вы, тронувшись не силою нашего скуднаго слова, а всемощнымъ гласомъ Того, Кто повелѣлъ небу и земли вѣщать ко всѣмъ намъ огнемъ и мракомъ, рѣшитесь отселѣ быть внимательнѣе къ дѣлу вашего спасенія, исправить и въ жизни, и въ нравахъ, и въ образѣ мыслей вашихъ то, что противно Евангелію, несогласно съ уставами вѣчной правды Божіей, пагубно для собственной души вашей: то мы смѣло приступимъ къ престолу Благодати, начнемъ съ дерзновеніемъ толкать въ двери милосердія; и можемъ быть увѣрены, что намъ не будетъ отказано въ милосердіи. А если... Но ваши взоры, ваши вздохи, ваши слезы, все ваше положеніе показываетъ, что мы не напрасно собрались сюда, что десница Божія, на насъ отяготѣвшая, достигла своей цѣли, что гнѣвъ небесный проникъ дѣйствіемъ своимъ до глубины душъ и сердецъ,

что каждый изъ насъ вполнѣ чувствуетъ важность настоящаго времени и не забудетъ его во всю свою жизнь. Да предначнется же молитва сердецъ смиренныхъ и духа сокрушеннаго! — Да возгласится покаянный псаломъ Царя Израилева, столь приличный нашему положенію! Да отверзутся царскія двери милосердія! —

Господи и Владыко живота и смерти нашей! если мы дерзаемъ въ настоящій часъ стать предъ Тобою, подобно Аврааму, съ молитвою за градъ сей и страну нашу: то дерзаемъ, надѣясь не на чистоту нашихъ рукъ, не на силу нашихъ собственныхъ молитвъ, а на то, что уже зримъ предъ Тобою стоящаго за насъ великаго Ходатая и Посредника неба и земли, возлюбленнаго Сына Твоего, Искупителя нашего. О имени Его отверзаемъ предъ Тобою уста нечистыя, и воздѣваемъ къ Тебѣ руки непреподобныя. Призри на насъ сквозь пречистыя язвы Сына Твоего; и повели солнцу твоему возсіять на насъ, повели огню угаснуть, и землѣ воспріять прохладу и свѣжесть. Сотвори надъ нами *сіе знаменіе во благо*, да увѣмы, что Ты единъ Господь и Владыка всяческихъ, *ты убіеши и живити сотвориши*. Аминь.

СЛОВО,

СКАЗАННОЕ ВЪ ТЮРЕМНОЙ ВОЛОГОДСКОЙ ЦЕРКВИ.

Въ темницѣ бѣхъ, и пріидосте ко Мнѣ.

Матѳ. 25, 36.

Ужели драгоцѣнныя слова сіи принадлежатъ и нашимъ темницамъ, и мы, посѣщая узниковъ, посѣщаемъ чрезъ то Самого Господа и Спасителя нашего? — Не должно ли, напротивъ, относить сего изреченія къ тѣмъ исповѣдникамъ имени Христова, коими наполнены были темницы языческія во времена древнихъ гоненій на Христіанство? — Или, по крайней мѣрѣ, къ тѣмъ, кои, по запутанности обстоятельствъ и недальновидности правосудія человѣческаго, подвергаются заключенію въ темницы невинно?

Воздадимъ каждому должное: признаемъ съ благоговѣніемъ, что св. Исповѣдники Вѣры особенно были достойны того, чтобы Начальникъ и Совершитель Вѣры благоволилъ усвоить Себѣ самому ихъ темничное заключеніе. Не усумнимся исповѣдать и то, что подвергающіеся заключенію безъ вины — имѣютъ особенное право утѣшать себя тѣмъ, что самъ Господь и Спаситель раздѣляетъ съ ними узы ихъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, скажемъ не обинуясь, что слова Господа относятся ко всѣмъ заключеннымъ въ темницахъ, кто бы они ни были, такъ что гдѣ темница, тамъ невидимо и Онъ, Искупитель всѣхъ грѣшныхъ. Ибо, если душа, присутствуя во всемъ тѣлѣ, не только не отсутствуетъ отъ членовъ недугующихъ, но еще наиболѣе сочувствуетъ имъ: то можетъ ли душа таинственнаго тѣла Церкви — Господь нашъ оставить недугующіе члены сего тѣла, то есть, преступниковъ закона, каковы заключенные? — И что другое настоящій храмъ, какъ не опытное доказательство того, что слова Спасителя: *въ темницѣ бѣхъ и пріидосте ко Мнѣ,* относятся ко всѣмъ темницамъ? Вы слышали, что воспѣвалось, видѣли, что совершалось здѣсь: скажите, есть ли какое-либо различіе въ совершаемомъ среди сего хра-

ма, на семъ престолѣ, противъ другихъ мѣстъ, противъ того, что совершается въ церквахъ, находящихся среди чертоговъ царскихъ? Та-же тайна и та-же жертва! то-же пречистое тѣло; та-же пресвятая кровь — Сына Божія; тѣ-же Херувимы и Серафимы, предстоящіе, и служащіе вмѣстѣ съ нами Царю славы!

И такъ, собравшіеся здѣсь нынѣ братія и сестры о Господѣ, если вы пришли сюда въ духѣ вѣры и любви, и отойдете отсюда въ духѣ смиренія и сокрушенія о грѣхахъ своихъ; то вамъ не будетъ сказано на страшномъ судѣ: *въ темницѣ бѣхъ, и не посѣтисте мене*. Тѣмъ паче не скажутъ сего вамъ, братія и сотрудники, кои такъ благородно удѣляете время отъ трудовъ общественныхъ на служеніе здѣсь недугующему грѣхами человѣчеству. Благословенъ Господь, вложившій вамъ мысль на сей подвигъ любви и смиренія! — О, плоть и кровь не являютъ сего: это дыханіе Его всесвятаго Духа! Не ослабѣвайте же въ вашемъ подвигѣ и самоотверженіи, *еже иматъ мздовоздаяніе велико*. Наступитъ день, когда, можетъ быть, вмѣсто всѣхъ прочихъ правъ и отличій нашихъ, одна сія жертва любви уцѣлѣетъ на вѣсахъ правды вѣчной.

Но, если мысль о пребываніи самаго Спасителя въ темницахъ съ узниками должна располагать каждаго последователя Христова смотрѣть на темницы съ нѣкіимъ особеннымъ вниманіемъ и даже уваженіемъ, и стараться оказывать посильныя услуги заключеннымъ; то заключенные, кто бы ни были, тѣмъ паче должны имѣть въ сей мысли неизсякаемый источникъ назиданія и всегдашнее побужденіе къ признанію своихъ проступковъ, къ исправленію своихъ нравовъ, къ обращенію заключенія своего въ средство измѣнить себя на лучшее. — Господь премилосердый, — такъ долженъ разсуждать съ своею совѣстію каждый узникъ, — благоволилъ сказать: *въ темницѣ бѣхъ и пріидосте ко Мнѣ*; и такъ, Онъ преблагій не оставляетъ меня и въ темницѣ. Слава Его любви и милосердію! Доколѣ Онъ со мною, нѣтъ мѣста отчаянію; съ Нимъ всемогущимъ я могу и въ темницѣ стяжать свободу духа, получить вѣчное спасеніе. Но кто заключилъ Его въ темницу? — Я, моими грѣхами и преступленіями! Какая ужасная неблагодарность! Онъ омылъ меня благодатію Духа Святаго въ крещеніи; Онъ питалъ меня Тѣломъ и Кровію своею въ таинствѣ причащенія; Онъ открылъ мнѣ входъ въ царство небесное: а я неблагодарный,

будучи членомъ тѣла Его, заключилъ Его, въ лицѣ своемъ, — въ темницу; ради меня непотребнаго страждетъ пресвятое имя Его; ибо я Христіанинъ, коему должно отличаться отъ невѣрующаго паче всего чистотою совѣсти и жизни . . . а я сталъ дѣлами своими хуже невѣрнаго! — Еврею, Магометанину, Идолопоклоннику простительнѣе грѣхъ; ибо онъ не знаетъ пути правды, не имѣетъ въ рукахъ Евангелія, не знаменуетъ себя крестомъ. Я имѣлъ все это, и впалъ въ такія преступленія! — Чувствую мою вину, осуждаю свою прежнюю жизнь, даю обѣтъ жить впредь, какъ прилично Христіанину. Пусть законъ караетъ меня; временное наказаніе, мною заслуженное и перенесенное, освободитъ меня отъ казни вѣчной. Лучше въ сей жизни все претерпѣть, только бы омыть грѣхъ, нежели, укрываясь отъ правосудія здѣсь, подвергнуться вѣчному мученію тамъ. Что значатъ всѣ земныя наказанія предъ пламенемъ адскимъ? По сему, вмѣсто ропота, я благодарю Тебя, Господи, что ты заялъ стопы мои на пути беззаконія, и предалъ меня въ руки правосудія. Теперь я имѣю всѣ средства исправиться и окончить жизнь въ покаяніи; а, укрывшись отъ правосудія, я безъ сомнѣнія продолжалъ бы идти далѣе во глубину золъ.

зашелъ бы въ такую пропасть, откуда нѣтъ возврата, умеръ бы во грѣхѣ и содѣлался бы жертвою ада! *Благо мнѣ, яко смирилъ мя еси, да научуся оправданіемъ твоимъ!* —

Такъ, или подобнымъ образомъ, должны размышлять сами съ собою вы, кои находитесь за сими забралами. Не для обличенія васъ пришли мы сюда, а чтобы преподать вамъ утѣшеніе и назиданіе. Видите сами, какъ святая Вѣра, со всѣми таинствами своими, приблизилась къ вамъ, не удаляйтесь же и вы отъ нея; приблизьтесь къ ней вѣрою, покаяніемъ и исправленіемъ своихъ нравовъ. При всѣхъ грѣхопаденіяхъ вашихъ, вы имѣете еще всѣ средства къ тому, чтобы содѣлаться паки добрыми людьми и Христіанами истинными; у васъ есть умъ, чтобы познать путь правды и отличать его отъ пути беззаконія; есть воля, чтобы избрать доброе и избѣгать злаго; есть совѣсть, чтобы возчувствовать свои грѣхи и возненавидѣть ихъ; есть очи, способныя плакать о содѣянномъ; есть уста, готовыя изрекать молитву и исповѣдь. Вспомните благоразумнаго разбойника, на крестѣ покаявшагося: онъ со креста пошелъ въ рай, что мѣшаетъ и вамъ подражать его святому примѣру? Спаситель и теперь простираетъ со креста ру-

ки ко всѣмъ кающимся: покайтеся и вы, и перейдете отъ смерти въ животъ! —

Но что слышу я? *изведи изъ темницы душу мою, исповѣдатися имени твоему!* — Кто вопіетъ столь жалкимъ воплемъ? Обремененный злодѣяніями преступникъ? нѣтъ! Обыкновенный узникъ? нѣтъ! Человѣкъ невинно страждущій въ темницѣ? — нѣтъ! По крайней мѣрѣ человѣкъ находящійся въ темницѣ? — нѣтъ! Кто же это? — Царь и Пророкъ, мудрецъ и Псалмопѣвецъ — св. Давидъ! Но, друже Божій, кто могъ заключить тебя въ темницу? И гдѣ сія темница, когда ты управляешь всѣмъ Израилемъ, когда кедровые чертоги твои такъ пространны, что могутъ вмѣстить всѣхъ жителей Іерусалима? На какое же заключеніе жалуешься ты? Откуда хочешь быть изведеннымъ? — Изъ темницы плоти моея, отвѣтствуетъ св. Давидъ, — той плоти, которая непрестанно мрачитъ, связуетъ, тѣснитъ и изнуждаетъ безсмертный духъ мой; той плоти, которая со всѣми желаніями моими влечетъ меня долу, приковываетъ къ землѣ, заставляетъ работать истлѣнію, не позволяетъ даже воздыхать свободно о горнемъ Іерусалимѣ. Чего не дѣлалъ я, чтобы растерзать узы моихъ грѣховныхъ навыковъ, чтобы возникнуть отъ

рова страстей, изыйти на широту свободы чадъ Божіихъ? Обращался за помощію къ мудрости и мудрымъ; совѣтывался съ умомъ и сердцемъ; постился и плакалъ; даже связывалъ себя клятвою не преступать закона правды: но тщетна надежда на мои собственныя усилія; остается одна надежда на милость и всемогущество Того, Кто единъ можетъ возсоздать сердце чистое, и обновить въ утробѣ моей духъ правый. И вотъ, я вопію къ Нему подобно послѣднему изъ преступниковъ: *изведи изъ темницы душу мою!* (Псал. 12, 3. ст. 7). Возьми меня изъ сего суетнаго и мятежнаго міра въ свѣтлыя обители твои, — туда, гдѣ живетъ одна чистота и правда, гдѣ нѣтъ печали, ни воздыханія. Или, по крайней мѣрѣ, облегчи благодатію Своею тяжесть плоти моей, укроти всемогущимъ словомъ Твоимъ бурю страстей, подаждь свободу сердцу и силу духу, да возмогу сразиться съ полчищемъ нечистыхъ помысловъ и страстей, и потомъ безпреткновенно до конца жизни ходить въ оправданіяхъ закона Твоего. *Изведи изъ темницы душу мою, исповѣдатися имени твоему!*

Что мы должны заключить изъ сего молитвеннаго вопля Царя Израилева? То, что у всякаго изъ насъ, кто бы онъ ни былъ, есть свое заключеніе

и своя темница; — что всѣмъ намъ не достаетъ свободы духа, не достаетъ и возможности освободиться отъ рабства грѣховнаго собственными силами, безъ всемогущей помощи свыше. Воспользуемся же симъ великимъ примѣромъ; и, выходя изъ сей темницы, обратимъ испытующій взоръ на самихъ себя, низойдемъ во глубину и мракъ своего внутренняго заключенія, и, нашедъ тамъ томящійся въ оковахъ чувственности духъ нашъ, возревнуемъ о его освобожденіи, взывая подобно Царю Израилеву къ великому Разрѣшителю всякихъ узъ: *изведи изъ темницы душу мою, исповѣдатися имени твоему!* Аминь.

СЛОВО,

НА ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО ДИМИТРІЯ, ПРИЛУЦКАГО ЧУДОТВОРЦА, СКАЗАННОЕ ВЪ СПАСОПРИЛУЦКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

Собравшись сюда въ такомъ числѣ нетолько изъ града, но изъ всѣхъ окрестностей, вы собрались, братіе, безъ сомнѣнія, не для слушанія слова человѣческаго, а для того, чтобы принять для души и сердца наставленіе отъ самого угодника Божія, здѣ почивающаго, и нынѣ благочестно нами ублажаемаго. Не скроемъ отъ васъ, что и мы пришли сюда, не столько для преподанія, сколько для принятія наставленій. Ибо гдѣ же и Пастырямъ Церкви, для коихъ въ свою чреду нужны просвѣщеніе и вразумленіе, и еще большія, нежели для пасомыхъ, гдѣ

же и имъ почерпать себѣ наставленія, какъ не у подножія св. Угодниковъ Божіихъ?..

Но, братіе, уже ли по сему ожидать намъ, чтобы угодникъ Божій для наставленія насъ оставилъ свое св. ложе, взошелъ на сіе мѣсто и — началъ бесѣдовать съ нами, подобно тому, какъ мы бесѣдуемъ съ вами! Такого собесѣдованія многіе изъ насъ, вѣроятно, не могли бы и перенести. Довольно того, что Онъ столько вѣковъ предлежитъ нетлѣнными останками своими взору всѣхъ и каждаго, какъ разверзтая книга: а читать въ сей книгѣ, и брать изъ нея назиданіе должно каждому самому, смотря по своему состоянію и своей нуждѣ. И трудное ли дѣло назидаться такимъ образомъ у раки св. Угодниковъ каждому самому? Напротивъ! Какъ стоя противъ лѣтняго солнца, нельзя тотчасъ не начать нагрѣваться; какъ стоя у моря, нельзя не почувствовать мгновенно прохлады: такъ, стоя у подножія мощей св. Угодниковъ Божіихъ, невозможно не исполняться душевнаго назиданія.

Стоитъ только при семъ не развлекаться воображеніемъ по предметамъ стороннимъ, надобно только устремить молитвенно вниманіе и мысли на Угодника Божія; и въ сердцѣ тотчасъ открывается источникъ

святыхъ мыслей и чувстованій. Сіи мысли и чувствованія суть поученія самого Угодника Божія къ намъ, коего не могутъ замѣнить никакія наши поученія; потому что въ немъ всегда сокрывается врачевство прямо противъ того недуга, отъ коего мы страдаемъ; а проповѣдники не могутъ знать душевныхъ недуговъ каждаго; и если-бы знали, не могутъ указать, въ одномъ и томъ-же словѣ, каждому врачевство приличное.

И такъ, желающій слышать нынѣ поученіе, стань у раки Преподобнаго, помолись ему отъ сердца и попроси наставленія; потомъ прислушайся къ своей душѣ, и смотри какая мысль въ ней явится: — придетъ ли мысль совершить какое-либо богоугодное дѣло, напр. призрѣть бѣднаго, простить должника? совершии его скорѣе; сего хощетъ Угодникъ Божій. Явится ли намѣреніе разорвать постыдную связь, тебя доселѣ связывавшую и влекшую во адъ? тотчасъ разорви ее на-всегда; это повелѣваетъ Угодникъ Божій. Почувствуешь ли отвращеніе отъ неумѣреннаго употребленія вина и сикера? брось эту пагубную привычку: Угодникъ, внушившій тебѣ сіе чувство, самъ поможетъ тебѣ преодолѣть ее. Предавался ли доселѣ гнѣву, безчинію, сквернословію, нерадѣлъ ходить

въ церковь, подавать милостыню, и совѣсть твоя начнетъ обличать въ этомъ? скажи самъ себѣ: это — обличаетъ меня Угодникъ Божій, не буду отселѣ такимъ, каковъ былъ, — скажи и докажи то самымъ дѣломъ. Когда бы такимъ образомъ приступали мы къ мощамъ Святыхъ Угодниковъ; то всегда слышали бы отъ нихъ поученіе для насъ нужное. Ибо для чего же они и возлежатъ предъ нами толико вѣковъ, какъ опочившіе вчера токмо сномъ? Ужели для того, чтобъ принимать отъ насъ поклоненіе? Но что нужды въ нашихъ поклоненіяхъ тѣмъ, коихъ мзда у Вышняго, кои наслаждаются царствіемъ небеснымъ? Если они остаются среди насъ видимо, не возносятся самою нетлѣнною плотію на небо; то именно потому, чтобъ наставлять и учить насъ, чтобъ показать намъ путь живота вѣчнаго.

Пойдемте всѣ учиться у раки Преподобнаго Димитрія! Аминь.

СЛОВО,

СКАЗАННОЕ ВЪ ВОЛОГОДСКОМЪ ГОРНЕМЪ УСПЕНСКОМЪ ЖЕНСКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

Уподобися царствіе небесное десятимъ дѣвамъ, яже пріяша свѣтильники своя, и изыдоша въ срѣтеніе жениху. Мат. 25, 1 — 13.

Если есть какое мѣсто въ Писаніи, которое вамъ всѣмъ, для особеннаго назиданія вашего, должно знать на-изустъ; то это притча Спасителя о десяти дѣвахъ. Тутъ ваша судьба, настоящая и будущая; тутъ ваше спасеніе или ваше осужденіе. Посему я и беру сію притчу въ предметъ собесѣдованія съ вами.

Что изображаетъ она? изображаетъ состояніе душъ, ожидающихъ пришествія небеснаго Жениха, ихъ приготовленіе къ срѣтенію Его, самую встрѣчу и неоди-

наковый пріемъ ихъ Женихомъ, по причинѣ разновременности прихода и недостатка у нѣкоторыхъ брачныхъ принадлежностей. Такое изображеніе, явно, все клонится съ тому, чтобы показать намъ, какъ должно ожидать Жениха небеснаго, какъ исходить въ срѣтеніе Его, чѣмъ запасаться и что имѣть для того, чтобы не остаться за дверьми чертога брачнаго. Теперь войдемъ въ самый составъ притчи.

Сколько было дѣвъ? десять. Всѣ онѣ были дѣвы, то есть души, уневѣстившія себя Господу; всѣ ожидали пришествія Жениха; всѣ имѣли въ рукахъ свѣтильники; всѣ украсили ихъ и пришли для встрѣчи Жениха. И однакоже не всѣ допущены на бракъ Жениховъ; пятерымъ сказано: *невѣмъ васъ*! Откуда такая разность въ жребіяхъ? Не отъ того ли, что сіи пять, недопущенныхъ, были юродивы! Но, онѣ были юродивы не по природѣ, а сами себя учинили такими. Когда-бы захотѣли, и онѣ могли бы сдѣлать все то, что сдѣлано дѣвами мудрыми. Притча называетъ ихъ юродивыми за ихъ безразсудныя дѣйствія, за то, что они, стремясь къ цѣли, небрегли о средствахъ, безъ коихъ она неможетъ быть достигнута.

Что же помѣшало имъ войдти на бракъ Жениховъ? Сонъ и недостатокъ елея въ свѣтильникахъ. Уснув-

ни они не скоро проснулись; проснувшись, вмѣсто того, чтобы вдругъ идти на-встрѣчу Жениха, пошли искать елея; такимъ образомъ пропущено время; пришли, когда уже были затворены двери, и потому остались за ними.

И мудрыя дѣвы не совершенно были свободны отъ сна; медленность прихода Женихова навела дремоту и на нихъ: *воздремашася вся, и спаху*. Но, сонъ мудрыхъ дѣвъ былъ сонъ тонкій, нечуждый бодрствованія, сонъ, подобный тому, о коемъ говоритъ невѣста въ пѣсни Соломоновой: *азъ сплю, а сердце мое бдитъ* (Пѣс. Пѣс. 5, 2). Платя дань немощамъ природы, и онѣ засыпали иногда, ослабляли свою духовную дѣятельность, повидимому, даже прекращали ее; но сердце ихъ бдѣло и было съ Женихомъ; душа ихъ всегда находилась тамъ, гдѣ ея сокровище.— Притомъ у нихъ были готовы не одни пустые свѣтильники, а и елей дѣлъ благихъ. Посему, едва только раздался гласъ: *Женихъ грядетъ, исходите въ срѣтеніе*: онѣ встали, и пошли на-встрѣчу.

Нужно ли подробно изъяснять, что значитъ этотъ опасный сонъ, и что изображаетъ недостатокъ елея? Сонъ этотъ есть забвеніе нашей смерти и суда, насъ ожидающаго, есть преданіе себя плоти и міру и по-

груженіе въ чувственность, есть нерадѣніе о своей душѣ и прекращеніе дѣлъ благихъ. А недостатокъ елея есть недостатокъ чистой любви къ Богу и ближнему, которая одна можетъ поддерживать горѣніе въ свѣтильникѣ вѣры. Какъ душа погружается въ этотъ сонъ? Отъ мысли, какъ показываетъ притча, что Женихъ нескоро идетъ, и, можетъ быть, не придетъ. Съ одной стороны видятъ, что смерть еще далека, что, потому, будетъ время покаяться и заняться дѣломъ спасенія; съ другой — видятъ прелесть міра и благъ его, чувствуютъ влеченіе къ нимъ своей грѣховной природы, и поникаютъ подъ симъ искушеніемъ; сначала предаются одной дремотѣ, одному ослабленію въ дѣлахъ своего званія, потомъ, мало по малу, засыпаютъ совершенно, теряютъ духовное сознаніе и чувство, земленѣютъ, дѣлаются мертвыми духомъ и предаются дѣламъ тьмы. — Отчего небрегутъ во время запастись елеемъ? По той-же самой причинѣ. Думаютъ, что еще будетъ время пріобрѣсть его, или занять у другихъ, какъ, вѣроятно, обольщали себя сею мыслію и юродивыя дѣвы. То есть, у кого занять? у Святыхъ Божіихъ, какъ иногда думаютъ грѣшники. Ибо не часто-ли бываетъ, что по упованію на молитвы какого-либо угодника Божія, небре-

гутъ объ исправленіи своей жизни и нравовъ? ставятъ предъ иконою свѣчи, служатъ молебны: а о томъ, чтобы освѣтить душу тѣми добродѣтелями, коими украшался Угодникъ Божій, омыться тѣми-же слезами покаянія, коими всю жизнь омывался онъ, о семъ и не думаютъ. Нѣкоторые до самаго прихода Жениха, до самой смерти своей, даже не знаютъ, есть ли елей въ ихъ свѣтильникахъ или нѣтъ. Имѣя свѣтильники, то есть содержа Вѣру православную, ходя въ церковь, нося монашеское платье, выполняя наружно уставы монастырскіе, думаютъ, что симъ все сдѣлано. А какъ все сдѣлано, когда въ сердцѣ нѣтъ чистой, постоянной любви къ Богу и ближнему? когда въ немъ гнѣздится нечистота, любовь къ міру и страсти? Какъ все сдѣлано, когда обида какая-либо огорчаетъ насъ такъ-же, какъ и мірянъ, когда чувственность также прельщаетъ, какъ и мірянъ? Ничего не сдѣлано, доколѣ мы не предадимъ на-всегда всего существа своего Господу; ничего не сдѣлано, доколѣ мы не содѣлаемся мертвы для міра и живы для одного Господа; ничего не сдѣлано, доколѣ мы не готовы положить ради славы Его и изъ любви къ братіямъ нашимъ самую жизнь.

Памятуйте сіе, возлюбленныя, и блюдитесь сна

грѣховнаго и нечувствія. Живущимъ въ мірѣ, обязаннымъ житейскими попеченіями, извинительнѣе, если иногда, утомленные самыми трудами жизни, воздремлютъ на стражѣ своего спасенія: а намъ что и помнить, о чемъ и думать непрестанно, какъ не о концѣ своемъ, не о судѣ страшномъ, не о мукахъ вѣчныхъ? И такъ, отходя ко сну говорите: не эта ли ночь, въ которую пріидетъ Женихъ и надобно исходить въ срѣтеніе Его со свѣтильниками? Вставъ отъ сна, говорите: не это ли день, когда въ послѣдній разъ освѣтитъ меня солнце, и я пойду мракомъ сѣни смертной? Осмотритесь кругомъ себя: сколько сестръ, съ коими вы жили, вмѣстѣ молились, вмѣстѣ радовались и плакали, теперь уже тамъ, или въ чертогѣ, или за дверями чертога. И всѣмъ намъ предстоитъ то-же; смерть не останавливается, каждый годъ беретъ по-нѣскольку: возметъ и всѣхъ; всѣ ляжемъ во гробъ, покроемся землею, пойдемъ на судъ. Постараемся же запастись елеемъ добрыхъ дѣлъ, доколѣ есть время. Пойдемъ заблаговременно къ продающимъ — къ обиженнымъ нами, и, испросивъ прощеніе, получимъ елей мира и незлобія; пойдемъ къ бѣднымъ и нищимъ, и, оказавъ имъ помощь, получимъ елей милосердія; оградимся постомъ и молитвою, и стяжемъ

елей чистоты и цѣломудрія; будемъ какъ-можно чаще имѣть предъ очами висящаго на крестѣ Спасителя нашего; и стяжемъ елей терпѣнія и преданности въ волю Божію. Капля по каплѣ, и составится полный свѣтильникъ и мы не будемъ принуждены нѣкогда вопіять: *дадите намъ отъ елея вашего, яко свѣтилиницы наши угасаютъ*. Аминь.

СЛОВО,

при освященіи крестовой,

при Вологодскомъ Архіерейскомъ домѣ,

церкви во имя всѣхъ святыхъ угодниковъ Вологодскихъ.

Отъ молитвъ и пѣснопѣній время прейдти къ собесѣдованію и слову: но сердце мое прежде всякаго слова обращаетъ меня паки къ молитвѣ. Чувствую нужду благодарить и молить. Кого? Тебя, Существо тріѵпостасное, Боже Отче, Сыне и Душе Святый, Тебя, отъ Коего нисходитъ всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ, безъ Коего мы сами по себѣ не можемъ и помыслить, тѣмъ паче совершить что-либо добраго. Отъ Тебя низошла къ намъ мысль — устроить сей домъ молитвы; Твоею благодатію воодушевляемы

мы въ препобѣжденіи трудностей сего святаго дѣла; Твоимъ вседержавнымъ именемъ положена нынѣ на немъ и печать освященія: Тебѣ убо единому подобаетъ за сіе слава, честь и благодареніе! — Призри съ высоты святыя своея, и даруй, да всѣ, входящіе во храмъ сей, исходятъ изъ него со освященіемъ души и тѣла! Да счастливые обрѣтаютъ здѣсь побужденіе употреблять дары счастія въ славу Твою и благо ближнихъ; да несчастные износятъ отсюда утѣшеніе и силы къ благодушному несенію креста своего; да кающійся грѣшникъ слышитъ здѣсь гласъ помилованія, а нераскаянный да обьемлется здѣсь спасительнымъ предчувствіемъ суда будущаго и мукъ вѣчныхъ; да всякъ просяй здѣсь пріемлетъ, и ищай обрѣтаетъ! О семъ молимъ Твою благость днесь, и будемъ молить выну, доколѣ вседержавной волѣ Твоей угодно будетъ внимать здѣсь нашимъ слабымъ молитвамъ.

Пріимите храмъ сей подъ молитвенный покровъ вашъ и вы, святые Угодники и Чудотворцы Вологодскіе, имени коихъ посвященъ онъ! Мы твердо вѣруемъ, что духъ вашъ молитвенно носится надъ всею страною нашею, что всякъ обращающійся къ вамъ съ молитвою, гдѣ бы ни былъ, находитъ у васъ благовременную помощь· но намъ потребно имѣть видимое, по-

стоянное мѣсто, гдѣ бы мы могли обращаться ко всѣмъ вамъ въ молитвѣ, и обрѣтать васъ вкупѣ. Гдѣ же быть сему мѣсту, какъ не здѣсь, откуда, посредствомъ Іерархическаго священнодѣйствія, исходитъ освященіе на всю страну нашу? Не оставляйте же, Угодники Божіи, сего дома молитвы вашимъ невидимымъ присутствіемъ; предстойте сами на стражѣ духовнаго вертограда Вологодскаго; очищайте, дополняйте, воодушевляйте наши хладныя молитвы вашимъ огнемъ серафимскимъ, да возможемъ священнотайнѣ низводить здѣсь благодать освященія на тѣхъ, кои должны потомъ освящать таинствами всѣхъ и каждаго.

Обращаясь отъ сей молитвы къ собесѣдованію съ вами, братія, я прежде всего долженъ подѣлиться съ вами чувствомъ духовной радости. И такъ, мы будемъ отселѣ имѣть храмъ во имя всѣхъ святыхъ молитвенниковъ и предстателей страны нашей. Кто изъ насъ, въ день памяти каждаго изъ нихъ, не желалъ бы стоять и молиться у самыхъ святыхъ мощей Угодника Божія? Но это невозможно. Въ замѣнъ сего, мы будемъ имѣть теперь возможность собираться въ сіи дни здѣсь, составлять въ честь каждаго праведника духовное празднество, и такимъ образомъ поддерживать духовный союзъ нашъ съ ними. Мысль сія ра-

дуетъ мое сердце, и, безъ сомнѣнія, обрадуетъ каждаго, кто вѣруетъ въ силу молитвеннаго ходатайства о насъ святыхъ Божіихъ.

И какъ не вѣровать въ сіе? Не таковъ ли вообще порядокъ вещей и на землѣ, между нами, что совершенный возрастомъ служитъ опорою для малолѣтняго, мудрый и опытный для недальновиднаго и незнающаго, богатый для бѣднаго, сильный и могущественный для слабаго и малозначительнаго? Что же всѣ мы въ отношеніи къ небожителямъ, какъ не дѣти малолѣтныя, какъ не существа недальновидныя, немощныя, всенуждающіяся? На что, съ другой стороны, употреблять и имъ свое духовное богатство, силу, мудрость, какъ не на помощь намъ, земнымъ братіямъ ихъ? Тѣмъ паче, когда сіе входитъ въ планъ міроправленія божественнаго, по коему всѣ существа разумныя, *на землѣ и на небѣ, составляютъ единое семейство* Отца небеснаго, гдѣ старшіе должны помогать и служить младшимъ, доколѣ всѣ не придутъ въ мѣру возраста чадъ Божіихъ. Въ силу сего закона любви самые Ангелы, по свидѣтельству Св. Павла всѣ суть служебные духи, въ служеніе посылаемые *за хотящихъ наслѣдовати спасеніе* (Евр. 1, 14); въ силу сего-же закона и святые Божіи, сіи равно-

Ангелы, всѣ суть нашими наставниками, защитниками и хранителями. Въ сію высокую должность, какъ свидѣтельствуетъ слово Божіе, они вступаютъ еще въ продолженіе жизни своей, обложенные еще немощною плотію. Такъ, Авраамъ ходатайствуетъ за грады, уже осужденные правосудіемъ небеснымъ на казнь; и — Господь благоутробно внемлетъ его ходатайству, и обѣщаетъ перемѣнить грозное опредѣленіе, если въ осужденныхъ градахъ обрящется десять праведниковъ. Моусей дѣлаетъ еще болѣе, дерзаетъ одинъ стать за цѣлый народъ, осужденный на истребленіе, кладетъ на вѣсы милосердія, въ цѣну избавленія, собственное вѣчное спасеніе; и что же? Народъ спасенъ, даже ущедренъ новыми милостями. Кто спасъ и въ нашей странѣ цѣлый градъ, и отвратилъ каменную тучу надъ нимъ висѣвшую? не одинъ ли праведникъ — Св. Прокопій Устюжскій? Если одинъ могъ сдѣлать столь великое чудо; то чего не въ состояніи сдѣлать всѣ предстатели страны нашей? И если они такъ сильны были еще на землѣ; то какой помощи нельзя ожидать отъ нихъ съ неба? И се, они всѣ теперь, здѣсь, съ нами, каждый съ своею молитвою, каждый съ своимъ благословеніемъ, каждый съ примѣромъ своей

жизни! Сія мысль радуетъ мое сердце, веселитъ духъ, заставляетъ благодарить и славить.

Но, братіе мои, радуясь такимъ образомъ, и праведно, о внѣшнемъ приближеніи нашемъ къ святымъ покровителямъ страны нашей, не забудемъ при семъ, что сіе приближеніе, безъ поддержанія и укрѣпленія внутренняго союза съ ними въ духѣ, правахъ и жизни, не сблизитъ еще насъ съ ними. Древній Израиль, подобно намъ, уповалъ нѣкогда на молитвы и заступленіе предъ Богомъ святыхъ праотцевъ своихъ. И дѣйствительно, доколѣ народъ Израильскій старался быть достойнымъ ихъ святаго покровительства, усиливался ходить по чистымъ и святымъ стопамъ ихъ; дотолѣ, несмотря на всѣ слабости и недостатки свои, пользовался особенною милостію Божіею. Но когда, по надеждѣ на заступленіе святыхъ праотцевъ, народъ Израильскій уснулъ сномъ грѣха и нераскаянности; то Вышній отвратилъ отъ него лице Свое, и, чтобы Израиль не продолжалъ обольщаться ложною надеждою, громко устами одного изъ Пророковъ изрекъ ему: *Аще станутъ Моисей и Самуилъ предъ лицемъ Моимъ, нѣсть душа Моя къ людемъ симъ* (Iерем. 15, 1). Тоже можетъ быть и съ нами, если мы, въ надеждѣ на видимую близость къ намъ Святыхъ, дерзнемъ пре-

даваться безпечности и нерадѣть объ освященіи себя вѣрою живою и дѣлами благими. Святый Святыхъ не услышитъ молитву самыхъ Святыхъ о грѣшникахъ нераскаянныхъ. Дерзнутъ ли ходатайствовать о таковыхъ самые праведники? Если и на землѣ, между нами, никто не пріемлетъ на себя ходатайства о человѣкѣ неисправимомъ: кольми паче на небѣ, гдѣ нѣтъ и не можетъ быть никакого лицепріятія. Если Святые, по преизбытку любви небесной, и будутъ продолжать молить у престола благодати о таковомъ грѣшникѣ: то конечно не о томъ, чтобы все спѣялось въ руку его, а о томъ, чтобы, для возбужденія отъ смертнаго сна грѣховнаго, возгремѣлъ надъ нимъ громъ небесный.

Приходя убо, съ освященіемъ храма сего, въ ближайшій видимый союзъ съ святыми покровителями страны нашей, возревнуемъ о укрѣпленіи и разширеніи невидимаго духовнаго союза съ ними. А для сего будемъ подражать ихъ жизни и подвигамъ. Соборъ ихъ такъ, благодатію Божіею, великъ и разнообразенъ, что всякое состояніе имѣетъ въ нихъ для себя образецъ, по роду и виду своему. Желаютъ ли пастыри и учители духовные видѣть, какъ должно предстоять стаду Христову, какъ совершать священнодѣй-

ствіе слова и таинствъ, какъ право править слово истины? — Се предъ нами Св. Стефанъ, Питиримъ и Антоній, положившіе за Евангеліе самую душу свою. Нуженъ ли для мудрыхъ образецъ, какъ не ослѣплятъся блескомъ мудрости земной, какъ буйство креста Христова ставить выше всѣхъ мірскихъ познаній? Се предъ нами Св. Прокопій Устюжскій, Св. Андрей Тотемскій, кои до того простерлись въ исполненіи заповѣди самоотверженія, что всю жизнь были буіими Христа ради. Свят. благовѣрные князи Іоасафъ и Игнатій покажутъ сильнымъ и богатымъ, какъ не полагаться на богатство погибающее, на силу и могущество сокрушающіяся, какъ умѣть вмѣнять вся въ уметы — и славу и богатство, чтобы пріобрѣсти и не потерять Христа. Св. Корнилій Комельскій, Діонисій Глушицкій, Өеодосій Тотемскій, съ соборомъ Преподобныхъ, ожидаютъ только желанія и охоты отъ тѣхъ, кои посвятили себя житію иноческому, чтобы руководить ихъ и примѣромъ и молитвами своими по узкому пути жизни пустынической.

Имуще убо, заключимъ словами Апостола, *облежащъ насъ толикъ облакъ свидѣтелей*, и непрестанно орошаемые изъ сего облака росою благословеній небесныхъ, *терпѣніемъ да течемъ на предлежащій всѣмъ*

намъ *подвигъ спасенія*, *взирающе* непрестанно *на самаго начальника въры и совершителя спасенія нашего*, *Господа Іисуса* (Евр. 12, 1). Аминь.

—

СЛОВО,

НА ДЕНЬ ПРАЗДНЕСТВА ВЪ ЧЕСТЬ ИКОНЫ ВСЕМИЛОСТИВАГО СПАСА, СКАЗАННОЕ ВЪ ВОЛОГОДСКОЙ ВСЕГРАДСКОЙ ЦЕРКВИ, СОЗДАННОЙ ВЪ ПАМЯТЬ ИЗБАВЛЕНІЯ ОТЪ ЯЗЗЫ, БЫВШЕЙ ВЪ XVII ВѢКѢ.

И будетъ, егда возглаголютъ вамъ сынове ваши: что есть служеніе сіе? И рцыте имъ: жертва пасха сія Господу, иже покры домы сыновъ Израилевыхъ во Египтѣ, егда поби Египтяны, домы же наша избави. (Исход. 12, 26).

Издалека привожу вамъ слова сіи, но привожу потому, что они весьма близко идутъ къ настоящему дню и мѣсту. Сказаны они Моѵсеемъ и содержатъ, какъ видите, заповѣдь касательно праздника Пасхи. Учредивъ его въ память чудеснаго избавленія первен-

цевъ Израильскихъ во Египтѣ отъ смертоноснаго Ангела, поразившаго первенцевъ Египетскихъ, Моѵсей предвидѣлъ, что, для новыхъ, грядущихъ поколѣній, подробности давно прошедшаго благодѣянія Божія содѣлаются не такъ извѣстными, и самые обряды праздника не такъ вразумительными. Посему и предписываетъ въ приведенныхъ словахъ, чтобы во время праздника Пасхи, совершавшагося по домамъ, каждый отецъ семейства дѣлался его истолкователемъ, и такъ сказать, проповѣдникомъ для своихъ домочадцевъ, дабы такимъ образомъ всѣ, отъ велика до мала, знали, за что именно, кому и для чего празднуютъ. *И будетъ, егда возглаголютъ вамъ сынове ваши: что есть служеніе сіе? рцыте имъ: жертва пасха сія Господу, иже покры домы сыновъ Израилевыхъ во Египтѣ, егда поби Египтяны, домы же наша избави.* (Исх. 12, 26).

Какъ ни велико разстояніе мѣстъ и временъ, но наше празднество настоящее видимо походитъ на древнее празднество Израильское. Ибо и мы празднуемъ нынѣ въ память освобожденія нѣкогда града и страны нашей отъ смертоноснаго Ангела, ихъ поражавшаго. Продолжительность времени, съ тѣхъ поръ протекшаго, легко можетъ привести въ забвеніе у но-

выхъ поколѣній не только подробности, самую сущность благодѣянія Божія, оказаннаго предкамъ нашимъ. Послику же прилѣжная память о семъ крѣпко нужна для всѣхъ потомковъ: то и мы почли долгомъ повторить въ слухъ вашъ заповѣдь Моусееву, съ прошеніемъ *исполнять ее, какъ-можно прилѣжнѣе.*

И такъ, отцы и матери, если во время настоящаго праздника дѣти ваши вопросятъ васъ, что значитъ служеніе сіе? Пріимите трудъ сказать имъ, что это благодарственная жертва Господу за то, что Онъ покрылъ нѣкогда милосердіемъ своимъ градъ и страну нашу отъ смертоносной язвы, въ нихъ свирѣпствовавшей. А если-бы и не было со стороны дѣтей подобнаго вопроса, то начните сами бесѣду о семъ и спросите ихъ: знаютъ ли они, почему нынѣ весь городъ нашъ празднуетъ такъ свѣтло? — Какъ-бы хорошо было, *если-бы даже вошло въ постоянное* обыкновеніе семейное подобной бесѣдѣ посвящать трапезу настоящаго дня! Такимъ образомъ трапеза сія приняла бы характеръ священный; благодѣянія Божіи не приходили бы въ забвеніе, и, живя въ памяти новыхъ поколѣній, располагали бы ихъ къ принятію новыхъ благодѣяній Божіихъ; самыя празднества по случаю сихъ благодѣяній престали бы походить на тѣ изъ

надгробныхъ памятниковъ, кои, потерявъ бывшую на нихъ надпись, не могутъ указывать, надъ кѣмъ они воздвигнуы.

А чтобъ облегчить для всѣхъ васъ святое дѣло, мною вамъ предлагаемое, и чрезъ оживленіе памяти о благодѣяніи Божіемъ усилить во всѣхъ и каждомъ чувство благодарности и духовную радость настояща-го дня, мы соберемъ изъ лѣтописи сказанія о самомъ событіи и предложимъ вашему вниманію.

За два почти вѣка предъ симъ, въ царствованіе бла гочестивѣйшаго Царя Алексѣя Михайловича, отечеество наше посѣщено было однимъ изъ тѣхъ ужасныхъ бичей, кои праведное Небо, въ гнѣвѣ своемъ, посылаетъ иногда на землю для пробужденія отъ сна грѣховнаго цѣлыхъ странъ и народовъ. — Явилась язва. — Подобно многимъ подобнымъ бичамъ, она пришла съ Востока, двигалась медленно; но тамъ, гдѣ прошла, долго не кому было умирать. Градъ нашъ, защищаемый самою отдаленностію, былъ одною изъ послѣднихъ жертвъ: но язва показала надъ нимъ, что для нея — все равно, первая или послѣдняя жертва. Никакая крѣпость силъ и возраста не защищала; никакая предосторожность не помогала; никакое искусство не спасало. Къ смертности присовокупилась ужасная внезап-

ность: шелъ ли кто, стоялъ ли, сидѣлъ ли? вдругъ падалъ и умиралъ въ мукахъ. Страхъ смерти разорвалъ наконецъ всѣ, самыя крѣпкія и нѣжныя узы, подавилъ всѣ прочія чувства: дѣти убѣгали отца, мать бросала зараженнаго младенца; домы и стогны наполнены были мертвецами непогребенными.

Въ такомъ ужасномъ положеніи протекло четыредесять дней. Вдругъ, какъ молнія изъ тучи, блеснула по граду свѣтлая мысль — воздвигнуть, для отраженія язвы, однимъ днемъ храмъ Богу Спасителю. Лѣтописи не сказываютъ, въ чьемъ умѣ или сердцѣ родилась сія мысль святая; но самое послѣдствіе показало, что она пришла свыше. Всѣ ялись за сію мысль, какъ утопающіе за вервь съ брега. Святой подвигъ немедленно соображенъ во всѣхъ подробностяхъ; взвѣшены средства и препятствія; назначены трудящіеся и распорядители труда; настоящій день избранъ къ совершенію дѣла великаго.

И вотъ, съ наступленіемъ ночи открывается умилительное зрѣлище! Вмѣсто того, чтобъ предаться сну и покою, цѣлый городъ приходитъ въ движеніе: все, еще живущее, стремится къ одному мѣсту. Одни спѣшатъ трудиться, другіе быть по крайней мѣрѣ свидѣтелями труда; болѣе крѣпкіе несутъ на раменахъ

своихъ то, что должно составить крѣпость зданія и лечь въ основаніе; слабѣйшіе и малолѣтные то, что необходимо для его украшенія: у каждаго, великаго и малаго, въ рукахъ знакъ усердія Богу Спасителю. И вотъ весь градъ, при озареніи свѣтильниковъ, собранъ на мѣстѣ, гдѣ теперь стоимъ мы. Все готово; ожидается только наступленіе минуты священной... Наконецъ бьетъ полночь, и вмѣстѣ съ тѣмъ раздается первый звукъ зиждущихъ. Зданіе растетъ столь быстро, какъ-бы само выходитъ готовое изъ земли; первые лучи выходящаго солнца уже освѣщаютъ собою храмъ Богу Спасителю; а предъ послѣдними лучами солнца заходящаго уже совершена въ немъ безкровная жертва за спасеніе живыхъ и — упокоеніе умершихъ.

Такой подвигъ вѣры и любви не могъ остаться безъ дѣйствія и отвѣта съ неба. Ужасная язва съ самаго сего дня потеряла силу; и вскорѣ совершенно исчезла, оставивъ по себѣ одну память — гнѣва и милости Божіей!

Не давайте же, возлюбленные, ослабѣвать и исчезать сей святой памяти! Да не престаютъ сыны и сыны сыновъ вашихъ знать, что десница Божія была нѣкогда видимо простерта надъ градомъ симъ, гроз-

ная и милующая, карающая и спасающая, — и да научатся ходить въ страхѣ Божіемъ, по стопамъ благочестивыхъ предковъ. Ахъ, если-бы сохранялась живо память древней казни небесной; то она сохранила бы насъ отъ дальнѣйшаго растлѣнія нравовъ, и мы не были бы подвергнуты новому бичу небесному, который въ недавнія времена прошелъ по странѣ нашей съ древнимъ опустошеніемъ и ужасами. Ибо для чего посылаются язвы отъ Господа? ужели для того только, чтобы убивать и истреблять? Нѣтъ, онѣ посылаются для того, чтобы пробуждать, вразумлять и спасать страхомъ тѣхъ, кои невнимательны къ гласамъ кроткимъ. Почему посѣтила насъ и послѣдняя ужасная язва? безъ сомнѣнія потому, что мы забыли прежнія наказанія, возмнили, что можемъ жить и грѣшить ненаказанно. Воспользуемся же самымъ наказаніемъ нашимъ, и живою памятію о томъ, что было, предохранимъ себя отъ того, что, въ случаѣ духовнаго нечувствія нашего, опять быть можетъ.

А между тѣмъ, заботясь о сохраненіи временной жизни отъ всякаго рода язвъ тѣлесныхъ, не забудемъ, что есть ужасныя язвы духовныя, отъ коихъ гибнутъ тысячи душъ и сердецъ. — Одна изъ нихъ особенно свирѣпствуетъ въ наши времена и похищаетъ у Цер-

кви Божіей множество чадъ. Вы знаете, въ чемъ состоитъ она. Человѣкъ, ею пораженный, остается, по видимому, тотъ-же; но теряетъ вѣру и совѣсть, перестаетъ быть чувствительнымъ къ слову Божію и таинствамъ, оставляетъ упованіе жизни вѣчной и ставитъ себя произвольно въ рядъ тварей гиблющихъ. О, блюдите, братія, души и сердца ваши отъ сей ужасной язвы; храните, *всяцѣмъ храненіемъ* храните отъ ней дѣтей и домочадцевъ вашихъ; и когда будете притекать съ моленіемъ къ сей Иконѣ Бога Спасителя, первѣе всего молитесь и просите, да покроетъ Онъ благодатію своею домы ваши отъ сего душетлѣннаго недуга. Аминь.

СЛОВО,

НА ДЕНЬ УСПЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ,

СКАЗАННОЕ ВЪ ВОЛОГОДСКОМЪ УСПЕНСКОМЪ СОБОРѢ.

Ублажая въ настоящій день успеніе Матери Божіей, св. Церковь называетъ сіе успеніе *конечнымъ, елико на Ней, таинствомъ*. Поелику конечное, или окончательное, таинство необходимо предполагаетъ таинства предшествующія и первоначальныя, то, вѣроятно, не одному слушателю псалмопѣній церковныхъ приходилъ на мысль вопросъ: какія это таинства? Нашъ долгъ дать отвѣтъ на сіе; и мы тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ готовы сдѣлать это, что разсмотрѣніе таинствъ, совершавшихся надъ Матерію Божіею въ продолженіи Ея жизни, съ одной стороны можетъ служить къ про-

славленію ея въ настоящій день, *конечнаго*, *елико на Ней*, *таинства*, съ другой — можетъ быть обильнымъ источникомъ размышленій назидательныхъ и чувствованій утѣшительныхъ. Одно могло бы остановить насъ въ семъ случаѣ, — что всякое таинство любитъ неприкосновенность и не терпитъ хладныхъ изслѣдованій; но мы и прикоснемся къ таинствамъ въ жизни Богоматери не сухими вопросами и хладнымъ недоумѣніемъ, а вѣрою и любовію ко всечестной памяти Ея.

Первое таинство въ жизни Преблагословенной Дѣвы Маріи открылось съ происхожденіемъ Ея на свѣтъ. Ибо отъ кого и какъ произошла Она? Отъ престарѣлыхъ, какъ повѣствуетъ св. преданіе, родителей, — въ слѣдствіе особенной молитвы и обѣта. Премудрость Божія восхотѣла, чтобы имѣющая родить неискусобрачно сама была плодомъ нестолько силъ природы, сколько наитія благодати. И вотъ, Іоакимъ и Анна достигаютъ тѣхъ лѣтъ, въ кои теряется всякая надежда быть отцемъ или матерію. Но у сей святой двоицы есть Вѣра, побѣждающая законы естества; и въ слѣдствіе сей вѣры, сопровождаемой пламенною молитвою, является Марія, благодатный даръ Неба, способная быть неизсякаемымъ источникомъ благослове-

ній для земли. — Такъ совершилась первая тайна рожденія Преблагословенной!

Второе таинство явилось надъ Нею при введеніи Ея во храмъ, на трехлѣтнемъ возрастѣ. Уже самое введеніе сіе въ такомъ возрастѣ было необыкновенно, какъ слѣдствіе особеннаго чрезвычайнаго обѣта — посвятить плодъ молитвъ своихъ Господу. А между тѣмъ симъ введеніемъ во храмъ открылась возможность будущей Матери Сына Божія получить воспитаніе при храмѣ, и такимъ образомъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ сродниться духомъ и сердцемъ со всѣмъ святымъ. Но и находясь при храмѣ, дщерь Іоакима, по обыкновенному порядку вещей, должна была оставаться въ преддверіи его. Вмѣсто сего, Ей, какъ свидѣтельствуетъ преданіе, дано было первосвященниками позволеніе проникать *во внутреннее завѣсы*, входить *во святая святыхъ*, куда имѣлъ право входить единожды въ годъ только одинъ великій первосвященникъ. Не знаемъ за-подлинно, въ слѣдствіе какихъ чрезвычайныхъ событій или откровеній получено Ею сіе чрезвычайное и безпримѣрное преимущество: но тотчасъ видимъ, что сія тайна вхожденія во святая святыхъ крайне приличествовала будущей Матери Сына Божія. Одушевленному Кивоту Божію надлежало, хотя по временамъ,

являться тамъ, гдѣ нѣкогда постоянно хранился Его символъ и прообразъ — ковчегъ завѣта съ манною и скрижалями.

Третія тайна послѣдовала по достиженіи св. Дѣвою совершеннолѣтняго возраста. Ветхій завѣтъ, какъ извѣстно, не зналъ состоянія дѣвства, посвященнаго Богу и освященнаго закономъ. — Посему, когда дщерь Іоакима и Анны достигла при храмѣ Іерусалимскомъ совершенныхъ лѣтъ; то первосвященники хотѣли удалить Ее отъ храма съ тѣмъ, чтобы она, по примѣру прочихъ дѣвъ Израиля, избрала себѣ супруга. Но святая Дѣва рѣшительно объявила, что Она твердо рѣшилась во всю жизнь не принадлежать никому, кромѣ единаго Бога. Первосвященники не знали при семъ, что̀ дѣлать; и, послѣ совѣщаній и молитвъ, рѣшились обручить Ее такому человѣку, который согласился бы носить имя мужа, не пользуясь его правами. Жребій палъ на св. старца Іосифа: и вотъ Марія оказывается въ союзѣ супружескомъ, не преставая быть дѣвою. А между тѣмъ сія тайна обрученія, сіе супружество по имени служитъ до времени покровомъ, необходимымъ для великой тайны воплощенія Сына Божія, защищая св. Дѣву отъ всѣхъ подозрѣній, какъ со стороны Іудеевъ, кои безъ того не замедлили бы

почесть Ее преступницею, такъ и со стороны того исконнаго врага, который, ожидая сѣмени жены, имѣющаго стереть ему главу, возмутилъ бы небо и землю, если-бы видѣлъ, что неискусобрачная Дѣва зачала во чревѣ Сына.

Какъ совершилась самая преславная тайна воплощенія Сына Божія, извѣстно изъ Евангелія всѣмъ и каждому. Архангелъ благовѣстилъ; Дѣва рекла смиренно: *се раба Господня;* сила Вышняго осѣнила; и — *Слово стало плотію!* Это верхъ таинъ, совершившихся надъ пресв. Дѣвою: но этотъ верхъ таинъ — не былъ концемъ ихъ; нѣтъ, тайны продолжались, но только углубились, содѣлались невидимѣе, не переставая быть поучительными и утѣшительными. Желаете знать, какія это тайны?

Во-первыхъ, тайна распятія. Чьего? Сына? Нѣтъ, Матери. Да, братіе мои, на крестѣ былъ не одинъ Сынъ, была и Матерь. Когда? И въ продолженіи всей жизни, но особенно на Голгоѳѣ. Ибо не Самъ ли Божественный Сынъ сказалъ: *иже не пріиметъ креста своего и въ слѣдъ Мене грядетъ, нѣсть Мене достоинъ?* Кто-же могъ быть достойнѣе Сына, какъ Матерь? Посему никто и никогда не носилъ такого креста въ продолженіи своей жизни, какъ Преблагословенная Дѣва

Марія. Крестъ сей слагался не изъ древа или вещества, а изъ величія, подобающаго Матери Божіей, и — изъ уничиженія, въ коемъ сія Матерь пребывала до самой смерти. Разсудите: самъ Архангелъ именуетъ Ее благодатною и приглашаетъ къ радости; Она носитъ уже во чревѣ Сына Божія; и въ то-же время должна страдать отъ подозрѣнія предъ хранителемъ своего дѣвства: и какого подозрѣнія? Что она бракокрадованная!... Не крестъ ли это? Ей приближается время родить Того, Коего царствію не будетъ конца; и для Нея нѣтъ мѣста въ гостинницахъ Виѳлеемскихъ; Она должна родить Его въ вертепѣ и положить въ ясляхъ!.. Не крестъ ли это? Ангелы поютъ: Слава въ вышнихъ Богу; волхвы покланяются и приносятъ дары; и непосредственно за симъ, спасаясь отъ Ирода, надобно бѣжать ночью во Египетъ тѣмъ путемъ, который едва удобопроходимъ среди дня! Не крестъ ли это? А на Голгоѳѣ — что, вы думаете, чувствовало сердце Матери, когда Сынъ вопіялъ въ мукахъ: *Боже мой, Боже мой, вскую Мя еси оставилъ?* Здѣсь-то, безъ сомнѣнія, исполнилось во всей силѣ ужасное предсказаніе Симеона: *яко и тебѣ самой пройдетъ душу оружіе!* Когда оружіе прошло самую

душу; то не было нужды прободать рукъ и ногъ: тайна духовнаго распятія — совершилась!..

Съ окончаніемъ сея тайны казалось и отъ Матери будетъ удалено все погребальное, какъ удалено отъ Сына, что Она, по воскресеніи, начнетъ видимо блистать на весь міръ славою Воскресшаго. Напротивъ! Марія до конца жизни пребудетъ въ неизвѣстности, среди доли самой смиренной. Почему такъ? Потому что за тайною сораспятія Сыну на Голгоѳѣ тотчасъ послѣдовала другая тайна усыновленія Іоанну; тайна мало кѣмъ примѣчаемая, но не менѣе изумительная и обильная назиданіемъ духовнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, братія, размышляли ли вы когда-либо о семъ дивномъ усыновленіи, послѣдовавшемъ на Голгоѳѣ? Вникали-ль въ цѣль и духъ сего дѣйствія? — Для чего Матерь Сына Божія дается здѣсь въ матери ученику, и такимъ образомъ какъ-бы низводится на время съ высоты своего безпримѣрнаго величія? Ужели для того, чтобы Ей имѣть пристанище въ дому Іоанна? Но кто бы изъ вѣрующихъ, по воскресеніи Сына, могъ отказать въ убѣжищѣ Его Матери? — И со креста ли происходить такимъ земнымъ, неважнымъ распоряженіямъ? Нѣтъ, таинственныя слова: *жено, се сынъ твой!* имѣютъ смыслъ несказанно глубочайшій; ими

опредѣляется характеръ всей остальной жизни Богоматери; здѣсь ключъ къ изъясненію всѣхъ дальнѣйшихъ событій съ Нею. Внемлите!

Когда божество Сына, съ воскресеніемъ и вознесеніемъ Его на небо, открылось во всей силѣ; когда весь міръ началъ преклоняться предъ именемъ Распятаго: въ то время Матери Іисусовой естественно предстояла величайшая честь и слава, подобающая Матери Сына Божія, Спасителя человѣковъ. Никто, безъ сомнѣнія, не могъ быть достойнѣе Маріи сей чести и сей славы; и никто, безъ сомнѣнія, не употребилъ бы ихъ такъ свято и боголѣпно, какъ Преблагословенная Дѣва: но слава въ продолженіе земной жизни лишила бы ее точнѣйшаго сходства съ божественнымъ Сыномъ, который до конца жизни своей не имѣлъ гдѣ приклонить главы. И вотъ въ усыновленіи Пресв. Дѣвы Іоанну на Голгоѳѣ, на самой вершинѣ духовнаго величія, въ самую минуту величайшей жертвы, отъ коей должна бы начаться слава Маріи, Она таинственными словами: *се сынъ твой!* низводится какъ-бы въ кругъ обыкновенныхъ матерей; усыновленіемъ Іоанну Ей указуется на всю остальную жизнь, — простую долю первой Христіанки.

И смотрите, какъ глубоко понята рабою Господнею

сія тайна усыновленія! Какъ вѣрною остается Она во всю жизнь указанію со креста! Ибо что мы видимъ далѣе въ сей жизни? Рѣшительное удаленіе отъ всякой славы, при всемъ чудесномъ распространеніи Христіанства. Книга Дѣяній Апостольскихъ подробно повѣствуетъ объ устроеніи первыхъ Церквей Христіанскихъ; означаетъ дѣйствія главнѣйшихъ Апостоловъ; представляетъ различныя обращенія Іудеевъ и язычниковъ ко Христу; но Маріи вы не видите. — Только разъ, и то мимоходомъ, упомянуто, что Она была вмѣстѣ съ учениками въ горницѣ Сіонской, въ день пятидесятницы. (Ибо какъ не быть при сошествіи Духа Той, которая зачала и родила отъ Духа?). Но потомъ ни слова о всей Ея остальной жизни, ни слова о самой кончинѣ. Скажите сами: не тайна ли это молчаніе? И что значитъ она, какъ не то, что Марія устраненіемъ себя отъ всякаго вида славы, явила новый опытъ смиренія самаго глубокаго, и такимъ образомъ сдѣлалась еще болѣе достойною того вѣнца славы, который давно по всѣмъ правамъ принадлежалъ Ей?

Но надлежало же, рано или поздно, сойдти наконецъ сему вѣнцу на главу честнѣйшей Херувимовъ и Серафимовъ; — и онъ сошелъ — во время ея успенія. Но жизнь, исполненная таинствъ, не осталась и здѣсь безъ

тайны. Не безпримѣрно было бы, если-бы Матерь Сына Божія взята была на небо, не испытавъ смерти! Сего высокаго жребія удостоились уже Энохъ и Илія. Но Маріи суждено другое. Какъ-бы въ отраду и успокоеніе всѣмъ намъ, имѣющимъ проходить вратами смерти, и Матерь Божія умираетъ, и такимъ образомъ раздѣляетъ долгъ природы со всѣми земнородными. Но яко Матерь Сына Божія, Того, Кто сказалъ о себѣ: *Азъ есмь воскресеніе и животъ, вѣруяй въ Мя, аще и умретъ оживетъ*, Марія, подобно Божественному Сыну Ея, не удерживается узами смерти; тѣло Ея и въ гробѣ не видитъ истлѣнія; и, по прошествіи трехъ дней, взимается, одушевленное, со славою на небо. — Съ сихъ поръ завѣсы всѣ приняты; одушевленная скинія Божія является во всей лѣпотѣ; святѣйшій Кивотъ Новаго Завѣта поставленъ на свое мѣсто; честнѣйшая Херувимовъ вознесена превыше всѣхъ небесъ и вся вселенная начинаетъ ублажать Ту, которая содѣлалась источникомъ благословеній для всего рода человѣческаго.

Созерцая таковыя тайны (а мы указали токмо самыя главныя) въ жизни Преблагословенной Дѣвы, кто не воскликнетъ нынѣ радостно къ Ней вмѣстѣ съ Церковію: *дивны твоя тайны Богородице!* Дивны въ

твоемъ благодатномъ зачатіи и рожденіи, дивны въ твоемъ чудномъ введеніи во храмъ, и еще болѣе чудесномъ вхожденіи во Святая святыхъ, дивны въ безпримѣрномъ обрученіи Св. Іосифу и ношеніи имени жены, безъ познанія мужа, дивны въ безсѣменномъ, по плоти, зачатіи и рожденіи отъ Духа Святаго предвѣчнаго Сына Божія, дивны въ непрестанныхъ, по примѣру Сына и Бога, страданіяхъ и перенесеніи многоразличныхъ крестовъ и искушеній, дивны въ таинственномъ усыновленіи Іоанну и отверженіи всей земной славы, дивны наконецъ въ самомъ успеніи и взятіи потомъ пречистаго тѣла со славою на небо!

Но, братіе мои, удивляясь благоговѣйно святымъ тайнамъ промысла Божія въ жизни Преблагословенной Дѣвы и святолѣпно ублажая въ настоящій день, созерцаніемъ ихъ, память успенія Ея, не забудемъ при семъ, что и наша жизнь не безъ таинствъ, что сіи тайны нашей жизни подобны тайнамъ въ жизни Богоматери, какъ образца всѣхъ нашихъ жизней; особенно же не забудемъ того, что нѣкоторыя изъ таинъ нашей жизни совершаются надъ нами безъ насъ, а нѣкоторыя, и притомъ самыя важныя, отъ коихъ зависитъ наша вѣчная судьба, непремѣнно требуютъ нашего участія, и, по недостатку его, не совершившись надъ на-

ми, могутъ подвергнуть насъ страшному осужденію.

Какія тайны промысла Божія совершаются надъ нами безъ насъ и нашего участія? Это преимущественно двѣ тайны — нашего входа въ міръ сей и нашего исхода изъ онаго, то-есть, тайна нашего рожденія и смерти. Кто могъ опредѣлить свое происхожденіе на свѣтъ? Никто. Кто можетъ опредѣлить и свою кончину? Такъ-же никто. То и другое въ рукахъ Божіихъ: и поелику въ рукахъ Божіихъ, то мы можемъ быть спокойны касательно сихъ тайнъ нашей жизни, твердо вѣруя, что всемогущество и премудрость Божія сдѣлали и сдѣлаютъ, если мы предадимъ себя въ волю Божію, за насъ и для насъ все, что̀ нужно и полезно намъ, сдѣлаютъ такъ благоуспѣшно, какъ мы сами по себѣ никогда бы не сдѣлали.

Но другія тайны, и притомъ, какъ я сказалъ, самыя важныя, хотя непремѣнно должны совершиться надъ нами въ продолженіе нашей жизни для нашего вѣчнаго счастія, но не могутъ совершиться въ насъ безъ насъ, безъ нашего произволенія и содѣйствія. Это тайна благодатнаго вселенія въ насъ Господа Іисуса, и тайна нашего сораспятія ему въ духѣ и истинѣ. Ибо для чего Сынъ Божій оставилъ небо и, все-

лившись во утробу преблагословенныя Дѣвы, явился человѣкомъ подобнымъ намъ? Для того, чтобы, совершивъ дѣло искупленія нашего, освободивъ насъ своею смертію отъ грѣха и проклятія, вселиться потомъ въ каждаго изъ вѣрующихъ во имя Его своею благодатію, вселиться до того, чтобъ мы составляли съ Нимъ единъ духъ. Безъ сего таинственнаго вселенія Его въ насъ и нашего соединенія съ Нимъ, тайна спасенія нашего не можетъ совершиться въ насъ, и мы, не смотря на все наше внѣшнее участіе въ вѣрѣ Христіанской и самыхъ таинствахъ ея, явимся нѣкогда чуждыми Христа и царствія небеснаго, Имъ для насъ пріобрѣтеннаго. Но тайна соединенія нашего со Спасителемъ нашимъ не можетъ совершиться безъ предварительнаго очищенія грѣховной и нечистой природы нашей, безъ умертвія нашего грѣху и чувственности, безъ самоотверженія растлѣнной самолюбіемъ и страстями воли нашей, кратко, безъ сораспятія ему въ духѣ и сердцѣ нашемъ. Кто-же можетъ сдѣлать все сіе въ насъ безъ насъ? Явно, никто. Если мы не рѣшимся — умереть грѣху, дабы ожить со Христомъ новою благодатною жизнію, то останемся живы для міра, но мертвы для Бога; если останемся мертвы для Бога и жизни праведной, то Спаситель нашъ, яко Свя-

тѣйшій святыхъ, не вселится въ насъ нечистыхъ и нераскаянныхъ, и не содѣлается въ насъ началомъ и источникомъ жизни вѣчной; а безъ сего мы, служа міру, работая всю жизнь нашу плоти, умремъ въ грѣхахъ и будемъ отвержены отъ лица Божія.

Посему, видя, какъ сіи великія тайны совершились надъ самою Матерію Божіею, какъ Она чистотою жизни и смиреніемъ достигла благодати быть вмѣстилищемъ Сына Божія по плоти, какъ потомъ питала и сохраняла сію благодать подвигами чистой любви и самоотверженія, обратимъ вниманіе на свою жизнь и дѣйствія, дабы видѣть, есть ли въ насъ хотя начало сихъ таинъ, стараемся ли мы о благодатномъ приближеніи нашемъ въ духѣ къ Спасителю нашему, о таинственномъ соединеніи съ Нимъ— всѣмъ существомъ своимъ, а для сего очищаемъ ли себя постепенно отъ всякой скверны плоти и духа, заключаемъ ли болѣе и болѣе волю нашу въ Его пресвятой волѣ, любимъ ли Крестъ Его и приносимъ ли благодушно искушенія, посылаемыя Имъ на насъ для нашего очищенія и для привлеченія насъ къ Нему. Благо тому, кто давно знакомъ съ сими великими и святыми тайнами и видитъ ихъ

совершеніе надъ собою! Таковому остается только подвизаться и пребыть вѣрнымъ до конца. Благо и тому, кто хотя поздно позналъ важность сихъ таинъ для себя, но познавъ, не замедлилъ употребить все, чтобы они начали совершаться и надъ нимъ! Но что будетъ съ тѣмъ, кто вовсе не мыслитъ о своемъ спасеніи и своемъ Спасителѣ? Наступитъ и для него время послѣдняго таинства въ жизни, время смерти: но какъ ужасна будетъ сія тайна для него и сама по себѣ, а еще болѣе по своимъ послѣдствіямъ? Ибо если и смерть грѣшника, по свидѣтельству слова Божія, *люта*; то безсмертіе грѣшниковъ еще лютѣе и ужаснѣе. Аминь.

СЛОВО,

ВЪ НЕДѢЛЮ XIII, СКАЗАННОЕ ВЪ ВОЛОГОДСКОМЪ УСПЕНСКОМЪ СОБОРѢ.

Слышали-ль вы громъ? видѣли-ль молнію?—Эта молнія сверкнула здѣсь; этотъ громъ прогремѣлъ въ семъ храмѣ. Ибо не здѣсь ли, не съ сего ли священнаго мѣста возглашено было нынѣ молніеносное слово Апостола: *Аще кто не любитъ Господа Іисуса, да будетъ проклятъ?* (1 Кор. 16, 22). Что же значатъ всѣ громы и молніи противъ единаго проклятія Божія? Молнія и громъ поражаютъ въ одно извѣстное время и одно какое-либо мѣсто на землѣ; а проклятіе Божіе, разъ изреченное въ Раю, доселѣ всю землю заставляетъ покрываться терніемъ и волчцами. Громъ и молнія могутъ убить тѣло, отнять жизнь временную; а проклятіе Божіе можетъ

и душу и тѣло ввергнути на вѣки въ геенну огненную. И такъ, надобно прилежнѣе осмотрѣться, не стоимъ ли подъ симъ ужаснымъ громомъ? Не привлекаемъ ли чѣмъ-либо на главу свою этой неугасимой молніи? Даже не пораженъ ли ею уже кто-либо? Ибо и это можетъ быть, что иной уже пораженъ ею, и не чувствуетъ своего пораженія; подобно тому, какъ пораженный громомъ и молніею чувственною, не знаетъ своего положенія, и, если можетъ быть возвращенъ къ жизни, то помощію благотворной руки чуждой.

Аще кто не любитъ Господа Іисуса, да будетъ проклятъ!

И такъ, довольно одной нелюбви къ Господу Іисусу, чтобы обрушиться на насъ гнѣву небесному. А мы обыкновенно думаемъ, что проклятіе небесное поражаетъ токмо самыхъ послѣднихъ преступниковъ, что для сего надобно быть Каиномъ, Іудою или Аріемъ богохульникомъ. На чемъ основываясь, думаемъ мы такимъ образомъ? На томъ, что Богъ милосердъ, и прочіе люди не такъ худы и злы. Но гдѣ же, въ комъ же болѣе и открылось все милосердіе Божіе, какъ не въ лицѣ Единороднаго Сына Божія, за насъ на крестѣ умершаго? Если

я не люблю сего самаго милосердія, то есть, божественнаго лица, Искупителя моего; то что другое остается мнѣ, какъ не судъ, гнѣвъ и казнь? «Мы еще не такъ худы, чтобы быть предметомъ гнѣва небеснаго». Но гдѣ же, въ комъ же вся наша правда и оправданіе, какъ не въ томъ-же лицѣ нашего божественнаго Ходатая? Если я не люблю сію правду въ Его лицѣ; то что остается мнѣ, какъ не моя собственная неправда, и слѣдовательно гнѣвъ небесный? Если-бы лице Спасителя нашего само по себѣ было не такъ любвеобильно; то, можетъ быть, еще было бы сколько-нибудь извинительно — не любить Его: но теперь оно именно таково, что, смотря на него, должно сказать: Спаситель нашъ *весь любы есть!* Какъ-же не любить сей любви? И что остается не любящему ее, какъ не гнѣвъ и судъ? Посему, если-бы Апостолъ и не говорилъ намъ страшнаго слова на тѣхъ, кои не любятъ Господа Іисуса; то собственное наше сердце, Его любящее, должно бы произнести его. Въ такомъ случаѣ одно можетъ быть извиненіе — невѣдѣніе; а кто знаетъ Господа Іисуса, вѣдаетъ, что́ Онъ сдѣлалъ и претерпѣлъ за насъ, и не любитъ Его, тотъ не имать вины о

грѣсъ, тотъ явный врагъ всего святаго и потому неминуемо подлежитъ отверженію. *Аще кто не любитъ Господа Іисуса, да будетъ проклятъ!*

Кто же любитъ и кто не любитъ Господа Іисуса? Вопросъ крайне важный; ибо съ любовію соединено все благословеніе, и слѣд. жизнь вѣчная; а съ нелюбовію — явное проклятіе, и слѣд. смерть вѣчная.

Не любитъ Господа Іисуса тотъ, кто не старается узнать Господа Іисуса, тó, что Онъ сдѣлалъ и намѣренъ сдѣлать для насъ, и чего желаетъ и требуетъ отъ насъ. Не любитъ Господа Іисуса тотъ, кто не старается исполнять заповѣди Его, подражать примѣру Его, уподобляться Ему въ своихъ мысляхъ, нравахъ и поступкахъ. Не любитъ Господа Іисуса тотъ, кто не любитъ думать о Немъ, какъ-можно чаще представлять Его жизнь, какъ-можно живѣе поставлять себя въ Его невидимое присутство, давать Ему отчетъ въ своемъ поведеніи. Не любитъ Господа Іисуса тотъ, кто не любитъ слова Его, оставленнаго намъ въ Евангеліи, не любитъ Церкви, Имъ учрежденной, не любитъ таинствъ, Имъ преподанныхъ. Не любитъ Господа Іисуса, кто холоденъ къ Его славѣ, не старается

распространять познанія о Немъ, не защищаетъ имени Его, не стоитъ за святость Его Евангелія. Не любитъ Господа Іисуса, кто не хочетъ лишиться за Него благъ временныхъ, претерпѣть поношенія и гоненія отъ міра. Не любитъ Господа Іисуса, кто не ожидаетъ Его славнаго пришествія, не водится обѣтованіями, Имъ данными, не приноситъ имъ въ жертву суетныхъ надеждъ мірскихъ.

Сами видите, братія, что *я* беру черты любви самыя обыкновенныя, и такъ сказать неизбѣжныя, такія свойства и признаки, безъ коихъ и земная любовь была бы недостойна своего имени. Но когда совокупить и сіи немногія черты въ единъ образъ, и приложить его къ намъ; то много ли найдется любящихъ Господа Іисуса? Значитъ, мы едва не всѣ стоимъ подъ страшнымъ словомъ Апостола Христова! Стоимъ и не думаемъ о своей опасности! Думаемъ, напротивъ, что мы совершенно безопасны, и почему? Потому что носимъ имя (одно имя) Христіанъ, принадлежимъ (также *по одному имени*) къ Церкви Христовой, исполняемъ (машинально) нѣкоторые обряды ея, то-есть — потому именно надѣемся и почитаемъ себя безопасными, почему-бъ надобно было страшиться и трепетать!..

Да пробудится же вниманіе тѣхъ, кои способны еще возбудиться отъ сна и безпечности духовной!— Не напрасно слово Апостола поразило среди настоящаго служенія мысль мою, и повелительно заставило меня отверсть уста на повтореніе его въ слухъ вамъ: ибо я не хотѣлъ нынѣ бесѣдовать съ вами. Можетъ быть, между нами есть именно такія души, для коихъ нужно было такое пробужденіе. И для кого же оно не нужно? Кто похвалится имѣть такую любовь къ Господу Іисусу, какую должно имѣть намъ къ Нему? И такъ, всѣ со страхомъ пріимемъ слово Апостола; и, возвратившись въ домы, размыслимъ: не падаетъ ли оно всею тяжестію своею и на насъ?— Аминь.

———

СЛОВО НАДГРОБНОЕ.

«Что сіе, еже о насъ бысть таинство? Како предахомся тлѣнію? Како сопрягохомся смерти? Воистину Бога повелѣніемъ, якоже писано есть, подающаго преставльшимся успокоеніе».

Такъ при каждомъ гробѣ вопрошаетъ Св. Церковь. При открытыхъ ей тайнахъ божественнаго міроправленія одинъ гробъ постоянно тревожитъ ея матернее сердце. Тутъ она всякой разъ какъ-бы отрекается отъ своихъ высокихъ правъ невѣсты Христовой, смиренно нисходитъ въ кругъ болѣзнующихъ скорбію чадъ своихъ, и вмѣстѣ съ ними жалостно вопрошаетъ: что это за страшное совершается надъ нами таинство! Какъ мы, созданные по образу Бога безсмертнаго, подверглись смерти и тлѣнію? Какъ намъ, видимо превознесеннымъ надъ всѣмъ міромъ,

суждено обращаться въ персть подобно безсловеснымъ?

Смерть человѣка — подлинно великое таинство! Не тайна ли — вчера человѣкъ, существо разумное, чувствующее, обтекающее мыслію небо и землю, дышащее безсмертіемъ и вѣчностію, способное идти сто разъ на самую смерть; а нынѣ — трупъ хладный, недвижимый, гніющій и приводящій въ ужасъ все живущее! И опять — не тайна ли, что это ужасное тлѣніе вводитъ насъ въ паки-бытіе, что въ семъ жалкомъ бреніи таится ростокъ жизни вѣчной, что подъ симъ распадающимся, отвратительнымъ рубищемъ сокрываются драгоцѣнныя ризы брачныя! — Кто въ состояніи изъяснить сіи противуположности? — Тщетно бѣдный разумъ человѣческій въ продолженіе цѣлыхъ тысячелѣтій усиливался разогнать мракъ гроба, проникнуть въ тайну смерти: печать доселѣ цѣла, покровъ непроницаемъ! И къ чему же, наконецъ, обратился несчастный? Къ тому, что смерть якобы совершенно естественна человѣку, что иначе никогда не было и быть не можетъ. Почему такъ? Потому, говоритъ земное мудрованіе, что все, сложенное изъ частей должно, рано или поздно, разрушиться и умереть. Жалкое мудрованіе! А не ты ли, лжеименный разумъ, въ тоже время утверждаешь, что міръ вѣченъ и будетъ

существовать всегда? Развѣ же онъ не сложенъ изъ частей? И гдѣ больше сихъ частей, въ мірѣ или или тѣлѣ человѣческомъ? Если же сложность не препятствуетъ большему міру быть, по твоему сужденію, неразрушимымъ и безсмертнымъ; то почему бы, въ слѣдствіе сей-же самой сложности, долженъ неминуемо подлежать смерти и разрушенію малый міръ, то есть, человѣкъ? Не сложность частей производитъ смерть (она только условіе тѣлесной жизни), а безпорядокъ сихъ частей, вражда и борьба силъ, отсутствіе мира и единства. Но кто можетъ сказать,—и если-бы сказалъ, чѣмъ доказать,—что сего единства, сего согласія не было и быть не можетъ? Не къ тому ли стремится самая послѣдняя борьба силъ тѣлесныхъ въ человѣкѣ, чтобы возвратить его? Что самая смерть, какъ не порывъ къ безсмертію?

Какъ просто и вмѣстѣ глубоко, превыше разума, и вмѣстѣ удовлетворительно для самаго строгаго разума, разрѣшаетъ тайну смерти Слово Божіе!—Мы созданы были для безсмертія и снабжены къ тому всѣми средствами: но не устояли въ своемъ предназначеніи, вкусили отъ плода запрещеннаго, отравили себя ядомъ грѣха; и въ слѣдствіе сего подверглись смерти. Что простѣе и удовлетворительнѣе сего отвѣ-

та? — Не повторяется ли и нынѣ, въ маломъ видѣ, сей несчастный опытъ, когда человѣкъ вкушаетъ что-либо вредоносное и умираетъ? Не приводитъ ли иногда и нынѣ грѣхъ за собою смерти видимо, напр. въ сильномъ гнѣвѣ, даже въ сильномъ смѣхѣ?.. Зачѣмъ же недоумѣвать и спорить, когда смерть сказываетъ такимъ образомъ о своемъ происхожденіи сама собою? —

Но св. Вѣра не только изъясняетъ намъ начало смерти, но указуетъ и на конецъ ея, о чемъ разумъ самъ по себѣ не смѣетъ и помыслить. По ея ученію, мы предаемся смерти не яко овцы заколенія, въ добычу всегдашнюю, невозвратимую, но какъ узникъ стражу, на заключеніе временное. Настанетъ часъ, такъ учитъ св. Вѣра, когда *вси, сущіи во гробѣхъ, услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ; и изыдутъ сотворшіи благая въ воскрешеніе живота, а сотворшіи злая въ воскрешеніе суда*. Желаемъ знать, откуда сія новая отрадная тайна? Какъ среди тлѣнія и смерти возсіяло нетлѣніе и жизнь? Вѣра вполнѣ отвѣтствуетъ и на сіи вопросы. Мы воскреснемъ потому, говоритъ она, что держава смерти разрушена. — Кѣмъ? Сыномъ Божіимъ, нашимъ Спасителемъ. Какъ, и чрезъ что? Чрезъ то, что Онъ, облеченный нашею

плотію, будучи источникомъ жизни, благоволилъ подвергнуться смерти, сойдти во гробъ, и тамъ, отъ полноты божества своего, возсіять жизнь и воскресеніе. Что можетъ быть для здраваго смысла удовлетворительнѣе сего изъясненія? Не случается ли видѣть, какъ сильное врачество прогоняетъ и уничтожаетъ самую лютую болѣзнь? Какъ неразрушимыя вещества, соединившись съ тлѣнными, спасаютъ ихъ отъ тлѣнія на многіе вѣка? Что-же удивительнаго, если вочеловѣченіе Сына Божія измѣнило природу человѣческую на лучшее? Если океанъ жизни, излившись чрезъ смерть Богочеловѣка въ область смерти, наполнилъ собою всѣ входы и исходы ея, и во всѣ гробы внесъ начало воскресенія? Какова причина, таково и дѣйствіе: Искупитель нашъ есть Богъ всемогущій; послѣ сего могла ли быть сомнительною побѣда надъ смертію?

И такъ, если-бы кто спросилъ тебя нынѣ, Христіанинъ: *како предахомся тлѣнію? како сопрягохомся смерти?* Ты твердо вмѣстѣ съ Церковію можешь отвѣчать: *Бога повелѣніемъ*, Бога правосуднаго, который не можетъ не карать нарушенія вѣчныхъ законовъ правды своей, не могъ по сему не предать человѣка грѣшника слѣдствіямъ его-же соб-

ственнаго грѣха, коего *оброцы смерть*. Равнымъ образомъ, если-бы кто вопросилъ тебя, Христіанинъ: какъ мы воскреснемъ? Чьею силою возстанемъ изъ гробовъ своихъ? Ты твердо, вмѣстѣ съ словомъ Божіимъ, можешь отвѣчать: *Бога повелѣніемъ*. Бога милосердаго, который для воскресенія нашего послалъ Единороднаго Сына своего, за насъ умершаго и для насъ воскресшаго. Да, братія, Христіанинъ можетъ отвѣчать на сіи вопросы, къ коимъ разумъ со всею земною мудростію своею и подойти не смѣетъ. И сію-то вѣру, воспросвѣщающую, разсѣевающую мракъ самаго гроба, дерзаютъ иногда называть темною!

Ахъ, если-бы мы были безпристрастны и судили какъ должно; то посему самому уже познавали бы происхожденіе вѣры нашей свыше. Тогда-какъ мудрость земная ограничиваетъ всѣ наставленія, самыя обѣщанія свои тѣмъ, что она просвѣтитъ разумъ нашъ, образуетъ волю, укажетъ что̀ намъ дѣлать и какъ достигать счастія на землѣ, — святая Вѣра, кромѣ всѣхъ сихъ благъ, доставляемыхъ ею въ самомъ лучшемъ и чистѣйшемъ видѣ, беретъ человѣка за руку, изводитъ его на кладбище, и говоритъ: смотри — ты смертенъ и потому ужасно несчастенъ; жаждешь без-

смертія и не можешь видѣть ничего далѣе гроба: я разсѣю этотъ жалкій мракъ, объясню тебѣ сію тайну: вотъ какъ ты подвергся тлѣнію: вотъ какъ ты можешь опять стяжать жизнь вѣчную!— Кто могъ на землѣ вѣщать такимъ языкомъ? принять на себя разрѣшеніе такой задачи? сразиться съ смертію, обнажить ея слабость и указать въ самомъ гробѣ начало жизни вѣчной?

Познаемъ же превосходство святой Вѣры нашей и научимся быть благодарными за тайну безсмертія, ею нами открываемую.

Въ чемъ должна состоять сія благодарность? Въ томъ, во-первыхъ, чтобы мы не скорбѣли безотрадно о умершихъ, подобно людямъ неимущимъ упованія: ибо такая скорбь показала бы, что мы не вѣримъ сердцемъ тому, что исповѣдуется нашими устами.— Въ томъ, во-вторыхъ, чтобы мы со всею точностію и усердіемъ выполняли тѣ святыя условія, подъ коими Слово Божіе обѣщаетъ намъ жизнь вѣчную и блаженную. Условія сіи суть — живая вѣра въ побѣдителя смерти и ада, Искупителя нашего, Господа Іисуса, и сообразованіе нашей жизни съ Его заповѣдями. Кто исполненъ сею вѣрою, кто живетъ такою жизнію.

тотъ превыше всѣхъ сомнѣній, тотъ имѣетъ уже въ самомъ себѣ начало вѣчной жизни, и еще здѣсь, на землѣ, пріобщается силы вѣка грядущаго. Аминь.

—

СЛОВО,

ПРИ ПОСѢЩЕНІИ ПАСТВЫ,

СКАЗАННОЕ ВЪ БѢЛАВИНСКОЙ КАМЕННОЙ ПУСТЫНѢ,

ЧТО НА ОСТРОВУ КУБЕНСКАГО ОЗЕРА,

НА ПАМЯТЬ ПР. ІОАСАФА КАМЕНСКАГО, 1841 Г. СЕНТЯБРЯ 10 ДНЯ. (*)

Терпя потерпѣхъ Господа, и внятъ ми, и услыша молитву мою: и возведе мя отъ рова страстей, и отъ бренія тины, и постави на камени нозѣ мои, и исправи стопы моя: и вложи во уста моя пѣснь нову, пѣніе Богу нашему. Узрятъ мнози и убоятся, и уповаютъ на Господа. (Псал. 39, 1—4.)

Достигши къ вамъ путемъ новымъ и доселѣ непроходимымъ, видѣвъ на семъ пути, подобно древнему

(*) Въ слѣдствіе чрезвычайной засухи, бывшей въ 1841 г., къ острову открылся сухой путь съ восточной стороны.

Израилю, острану себя сюду и сюду волны, и возшедши потомъ на скалу вашу, окруженную шумящимъ озеромъ, я невольно вчера привелъ себѣ на память сіи слова Давидовы, и теперь обращаю ихъ къ вамъ вмѣсто праздничнаго привѣтствія. Чтобы сіе привѣтствіе не показалось однако же кому-либо неяснымъ, воскресимъ въ памяти нашей обстоятельства жизни Давидовой, послужившія поводомъ къ произнесенію словъ выше приведенныхъ.

Извѣстно, что Царь и Пророкъ, въ продолженіе своей жизни, подлежалъ множеству всякаго рода опасностей, и внѣшнихъ — отъ гоненій Саула, и внутреннихъ — отъ преслѣдованій того врага, который самого Саула сдѣлалъ изъ Помазанника Божія человѣкомъ отверженнымъ. Спасаясь отъ преслѣдованій Саула бѣгствомъ, св. Давидъ не разъ обтекалъ горы и холмы Іудейскіе, и одна изъ утесистыхъ скалъ послужила ему къ рѣшительному торжеству надъ гонителемъ (1 Цар. 26, 13). Сей-то случай, конечно, имѣлъ онъ въ виду, когда вдохновенною тростію писалъ благодарственную пѣснь: *на камень вознесе мя, вознесе главу мою*. Но у Давида была и другая скала, другой камень прибѣжища, на которомъ спасался онъ отъ преслѣдованія духовнаго Саула, съ нимъ, какъ извѣст-

но, жестоко ратовавшаго, — а также отъ собственнаго *малодушія и отъ бури страстей*. Этотъ духовный камень былъ тотъ самый, изъ коего, по свидѣтельству Апостола, пили нѣкогда Израильтяне въ пустынѣ воду жизни (1 Кор. 10, 4.), камень, который Навуходоносоръ, въ чудномъ сновидѣніи, видѣлъ нѣкогда отторгшимся отъ *горы — безъ рукъ*, поразившимъ собою и обратившимъ въ прахъ истуканъ царствъ земныхъ, — ставшимъ потомъ въ гору велику и наполнившимъ собою всю землю (Дан. 2, 34 — 36). Камень, на коемъ стоитъ Церковь Христова, не боясь вратъ адовыхъ, на коемъ утверждаются и отъ коего піютъ воду жизни всѣ вѣрующіе, то есть — Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Если какой камень, то сей, безъ сомнѣнія, не забытъ былъ Давидомъ, когда, отъ полноты благодарнаго сердца за оказанное благодѣяніе, онъ восклицалъ: *на камень вознесе мя: обыдохъ и пожрохъ жертву хваленія и воскликновенія!*

Видите теперь силу словъ Давидовыхъ, и почему они обращаются къ вамъ отъ меня вмѣсто праздничнаго привѣтствія! И вы вознесены на сугубый камень — чувственный и духовный; и подъ вами двѣ скалы — видимая и невидимая! Крѣпка скала видимая: сколько вѣковъ озеро борется съ нею, хочетъ опрокинуть ее и

всегда возвращается вспять, такъ-что вы каждый день видите предъ собою исполненіе глагола Творческаго: *до сего дойдеши и не прейдеши; но въ тебѣ сокрушатся волны твоя.* Но сто кратъ крѣпче и несокрушимѣе скала невидимая, на коей утверждается внутренній человѣкъ вашъ. Что можетъ противъ Господа и Спасителя нашего, весь міръ съ его соблазнами, самъ князь міра съ его темнымъ оружіемъ и воинствомъ?—Стойте же, возлюбленные, стойте непоколебимо на семъ духовномъ камени, утверждайтесь, возвышайтесь, и сами, *яко каменіе живо, зиждитеся въ храмъ духовенъ, святительство свято, возносите жертвы благопріятны Богови Іисусъ Христомъ!* (1 Пет. 2, 5). Доколѣ вы на семъ камени Вѣры, дотолѣ не страшны никакія волны искушеній, никакія бури страстей: пошумятъ и пройдутъ; не дадутъ внѣшнему человѣку вашему нѣсколько ночей спокойно уснуть, но не отнимутъ мира у духа; оторвутъ, унесутъ какой-либо кусокъ земли, то есть, что было въ васъ земнаго и нечистаго, но не опровергнутъ храмины спасенія, утвержденной на камени. Когда возшумитъ вокругъ васъ буря и свирѣпыя волны начнутъ бить въ стѣны обители вашей, помышляйте при семъ, что на морѣ житейскихъ попеченій свирѣпствуютъ еще

большіе вѣтры, (сколько тамъ несчастій! сколько потопленій! сколько слезъ и стоновъ!), и, представляя вашу здѣсь духовную безопасность, повергайтесь съ благодарностію предъ Тѣмъ, Кто извелъ васъ отъ рова страстей, отъ бренія мірской тины и поставилъ на камени нозѣ ваши. А между тѣмъ памятуя, что среди бури и волненій всегда могутъ быть люди на озерѣ, васъ окружающемъ, въ эту минуту, можетъ быть, борющіеся съ опасностію смерти,— воздѣвайте, какъ можно чаще, руки ваши къ небу и молитесь о спасеніи ихъ.— Да, возлюбленные, не напрасно скалѣ, васъ на себѣ носящей, повелѣно стать на самой срединѣ бурнаго озера; это значитъ, что св. обитель ваша съ ея крестоносными главами должна служить въ знаменіе спасенія и прибѣжища для всей страны окрестной, для всѣхъ погибающихъ тѣломъ и духомъ. Не забывайте сего Божественнаго предназначенія! Да обрѣтаютъ у васъ всѣ притекающіе сюда пріютъ радушный и благовременную помощь! А вмѣстѣ съ симъ да обрѣтаютъ они у васъ пристанище и покой душамъ своимъ! Давидъ за то, что вознесенъ былъ на камень, приносилъ Господу, его вознесшему, въ жертву овновъ и тельцовъ; а вы за то-же самое приносите непрестанно жертву безкровную, молясь о мирѣ

всего міра, о плавающихъ и труждающихся на озерѣ вашемъ, и объ отпущеніи грѣховъ тѣмъ, кои за симъ самымъ и приходятъ къ вамъ, особенно во дни свят. четыредесятницы. Да не исходитъ изъ таковыхъ никто ненаставленнымъ, неуврачеваннымъ, не утѣшеннымъ! Располагайте къ покаянію, и трогайте ихъ не столько словами, сколько слезами вашими. Такимъ образомъ безводная и безплодная скала ваша содѣлается, благодатію Божіею, неизсякаемымъ источникомъ благословеній для цѣлой страны, и превзойдетъ плодоносіемъ духовнымъ всѣ нивы и вертограды мірскіе.

Что сказать вамъ, кои съ такимъ усердіемъ, не смотря на трудность пути, оставивъ домы и всѣ занятія свои, собрались сюда на праздникъ пустынный? По самому усердію вашему къ сему мѣсту видно, что шумъ міра не заглушилъ вашего слуха духовнаго, что блага земныя не могутъ наполнить вашего сердца, что вы знаете цѣну уединенія и жизни отшельнической, и, можетъ быть, завидуете тѣмъ, кои обитаютъ здѣсь. Благословенно чувство, васъ сюда приведшее! Питайте святую тоску по небесномъ отечествѣ, укрѣпляйте ее всѣми средствами, а для сего, не оставляйте притекать подъ мирный кровъ сей святой обители. Но не скучайте, братія, своимъ состояніемъ, и не мыслите,

чтобы оно мѣшало вамъ быть истинными Христіанами. Нѣтъ, св. Праотцы всѣ жили въ супружескомъ состояніи; и однакоже Авраамъ заслужилъ имя отца вѣрующихъ. Моисей имѣлъ семейство, и однакоже былъ Пророкъ, вождь народа Божія, чудотворецъ и другъ Божій. Надобно только, живя въ мірѣ, не порабощать духа міру, не прилѣпляться сердцемъ къ тлѣннымъ благамъ его, не забывать обязанностей Евангельскихъ, удаляться грѣховъ и каяться въ тѣхъ, кои совершены волею или неволею: кто будетъ жить такимъ образомъ, тотъ и въ мірѣ получитъ спасеніе. Ибо отъ чего зависитъ спасеніе? Не отъ платья и одежды, не отъ мѣста и званія; а отъ вѣры и дѣлъ добрыхъ. Кто же не въ состояніи имѣть вѣру и творить добро? Тебѣ нельзя, напр., быть часто на службѣ Божіей? Вмѣсто сего что ни дѣлаешь, дѣлай во славу Божію; и ты всегда будешь на службѣ Божіей. Закидываешь ли мрежи и проводишь ночь на озерѣ; или воздѣлываешь землю и проводишь день на полѣ: коль скоро ты дѣлаешь то и другое призвавъ имя Господа Іисуса, оградивъ себя крестомъ, съ намѣреніемъ употребить добытое трудомъ на дѣло благое; то съ тобою Ангелъ хранитель, съ тобою сама благодать Божія. То худо, если дѣла житейскія со-

вершаются по язычески, съ ропотомъ и клятвою, съ корыстолюбіемъ и обманомъ, для похоти и прихотей: тогда подлинно губится душа и тѣло. Но кто велитъ совершать свое дѣло такимъ образомъ? Это зависитъ отъ насъ, какъ отъ насъ-же зависитъ всѣ положенія и всѣ дѣла свои освящать молитвою.

Сими и подобными размышленіями утѣшайте и ободряйте себя, братія, и будьте увѣрены, что Царство небесное равно отверзсто для всѣхъ, иноковъ и мірянъ, и что если въ мірѣ, — какъ иногда и въ обителяхъ иноческихъ, — погибаютъ, то отъ самихъ себя, погибаютъ не по недостатку средствъ ко спасенію, а потому что не пользовались ими, не радѣли о душѣ своей. Аминь.

СЛОВО,

ВЪ НЕДѢЛЮ ОСЬМУЮ-НАДЕСЯТЬ,

СКАЗАННОЕ ПРИ ПОСѢЩЕНІИ ПАСТВЫ,

ВЪ КАДНИКОВСКОМЪ СОБОРѢ.

Наставниче, обнощь всю труждшеся, ничесоже яхомъ. Лук. 5, 6.

Какъ жалко, братія, слышать сію жалобу изъ устъ бѣдныхъ всенощныхъ труженниковъ! Но для чего она столько вѣковъ повторяется въ Евангеліи? Для того ли, чтобы возбудить въ насъ состраданіе къ Апостоламъ? Но, что нужды въ рыбахъ тѣмъ, кои уловили потомъ своими мрежами всю вселенную? Что нужды въ сожалѣніи нашемъ тѣмъ, кои всѣ давно увѣнчаны славою небесною и сто кратъ, можетъ быть, скорбятъ и сѣтуютъ о насъ, что мы такъ равнодуш-

ны къ достиженію сей славы, и намъ предназначенной? Если Евангеліе доселѣ повѣствуетъ о безуспѣшной ловитвѣ рыбъ; то потому, что въ лицѣ рыбарей—Апостоловъ, въ семъ случаѣ, изображены всѣ мы—съ нашими дѣлами и занятіями. Посему я не нахожу предмета болѣе назидательнаго для собесѣдованія съ вами, какъ приложить сію Апостольскую ловитву рыбъ къ нашей жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, братія мои, что̀ всѣ мы въ жизни сей, какъ не разнообразные труженики надъ счастіемъ, какъ не ловцы на морѣ житейскихъ попеченій? У каждаго есть свои мрежи, своя ловитва, свои успѣхи и свои неудачи, свои виды и свои цѣли. И такъ, позвольте при настоящемъ случаѣ вопросить васъ, какова сія ловитва? Что пріобрѣтено доселѣ каждымъ изъ васъ? Достигнута ли цѣль? Удовлетворено ли желаніе? Довольны ли вы?

Ахъ, какъ намъ быть довольными, воскликнутъ многіе внутренно, когда и мы, подобно Апостоламъ, *об̀нощь всю труждшеся, ничесоже яхомъ!* Чѣмъ не жертвовали мы для достиженія, такъ называемаго, счастія жизни, какихъ средствъ не употребляли, гдѣ и въ чемъ не искали его?—И все напрасно; время ушло, силы истощились, волосы наши убѣлены, руки

и умъ ослабѣли, далеко уже за полночь жизни, скоро может быть, разсвѣтъ, — а мрежи наши пусты; мы едва покрываемъ наготу свою, едва имѣемъ хлѣбъ насущный. *Настасниче, обнощь всю труждшеся, ничесоже яхомъ!*

Сострадаемъ вамъ, бѣдные и неудачные труженики: но не можемъ похвалить васъ, если вы предаетесь ропоту на Провидѣніе. Бѣдность тягостна; но кто знаетъ — къ чему бы привели васъ богатство и роскошь? Всего вѣроятнѣе, что и съ вами случилось бы то-же самое, что большею частію бываетъ съ счастливцами міра; вы забыли бы Бога и совѣсть, предались бы забавамъ и страстямъ нечистымъ, очернили бы душу и жизнь дѣлами неподобными. Чтожъ удивительнаго, если благость Божія, провидя все сіе за васъ, поставила тайно препятствія на пути вашемъ и не дала достигнуть цѣли? спасла васъ такимъ образомъ отъ вашей же душевной погибели? Вмѣсто ропота на невыгоды своего состоянія, лучше воспользуйтесь его преимуществами, кои весьма велики и немаловажны. Какія это преимущества? То, что вы не опутаны, подобно счастливцамъ міра, со главы до ногъ узами пристрастій мірскихъ; и потому сто кратъ свободнѣе ихъ въ избраніи новыхъ предметовъ любви и дѣятельности

вашей; то, что ваше сердце и вкусъ духовный неиспорчены ядовитою сладостію чувственныхъ грѣховныхъ удовольствій; и потому вы скорѣе можете полюбить блага духовныя, благодушнѣе перенести труды и подвиги жизни Христіанской. Міръ не благопріятствуетъ вамъ, бѣжитъ отъ васъ: что же? Бросьте и вы любовь къ нему, и обратите вашу душу и сердце всецѣло къ Богу. Міръ дорого продаетъ свои блага и милости; а Евангеліе предлагаетъ всѣ сокровища свои туне: берите сколько угодно и обогащайте ими душу свою. Когда совѣсть ваша будетъ чиста, сердце умирено благодатію Божіею, насыщено предвкушеніемъ блаженства вѣчнаго; то всѣ блага міра, кои теперь такъ вамъ кажутся прелестны, потеряютъ для васъ цѣну, вы полюбите самую нищету свою; ибо она дѣлаетъ васъ свободными отъ міра и приближаетъ къ Богу.

Другіе изъ васъ, братія, могутъ, безъ сомнѣнія, на вышепредложенный вопросъ сказать совершенно противное, могутъ указать на обильную по видимому ловитву, на титулы и знаки отличія, ими пріобрѣтенные, на кучи металла, лежащія въ сундукахъ ихъ, на домы, ими воздвигнутые, на вертограды, ими насажденные, на множество друзей пріобрѣтенныхъ, на

множество враговъ низложенныхъ, на множество предпріятій совершенныхъ.

Привѣтствуемъ васъ, братія, съ сими успѣхами! Но позвольте еще вопросить васъ: для чего вы старались пріобрѣтать то, что пріобрѣтено вами? Для чего достигали почестей и отличій, собирали сокровища, трудились и работали, сражались и побѣждали? Уже ли для того только, чтобъ сказать: я сдѣлалъ то или другое? Безъ сомнѣнія, вы имѣли цѣль дальнѣйшую — ту, чтобы доставить душѣ вашей покой и довольство, чтобы насытить свое сердце! — И такъ, достигли ли, при всѣхъ вашихъ средствахъ, сей послѣдней цѣли? — Есть ли внутрь васъ постоянный миръ и постоянная радость? Престало ль сердце ваше алкать и жаждать? Умеръ ли червь недовольства и скуки, грызущій обыкновенно сердце человѣческое? —

Ахъ, если, такъ называемые, счастливцы міра захотятъ быть внимательны къ состоянію души своей, и сказать то, что̀ происходитъ внутрь ихъ, что̀ они чувствуютъ и терпятъ; то и имъ едвали не придется повторить жалобу Апостоловъ: *обнощь всю труждшеся, ничесоже яхомъ*! Насъ называютъ счастливыми, и мы сами себя принуждаемъ вѣрить тому; но, увы, это счастіе только вокругъ насъ; въ насъ самихъ нѣтъ

его. При всей нашей высотѣ надъ собратіями нашими, и при всѣхъ почестяхъ и отличіяхъ, когда заглянешь внутрь себя, то видишь себя въ какой-то мрачной безднѣ, съ ужасомъ отвращаешь взоръ отъ того рабства міру, въ коемъ находишься, отъ тѣхъ безчисленныхъ принужденій и низостей, къ коимъ прибѣгать надобно было для достиженія внѣшняго величія и даже до-нынѣ прибѣгать надобно для поддержанія его. Мы пріобрѣли богатство и оно дано въ средство къ удовлетворенію нуждъ тѣлесныхъ, но за-то принесло съ собою множество горькихъ заботъ душевныхъ. Дни наши также мрачны, ночи тяжелы, сонъ безпокоенъ и нерѣдко бѣжитъ отъ насъ; огорченій, печалей, недуговъ — тьма! . . . Въ чувственныхъ удовольствіяхъ нѣтъ недостатка; но они давно перестали услаждать насъ: чувства полны, а сердце пусто, душа ноетъ, совѣсть преслѣдуетъ, и мы нерѣдко принуждены завидовать мирной долѣ послѣдняго бѣдняка. Будущее каждый часъ болѣе страшитъ, нежели радуетъ. Не разсыплется ли собранное нами? Не возвѣетъ ли противный вѣтръ, не опрокинетъ ли храмины счастія? Ахъ, міръ такъ лукавъ и измѣнчивъ, обстоятельства такъ шатки и сомнительны, связи такъ непрочны, что никто не можетъ поручиться за одинъ слѣдующій

день. И что будетъ тогда съ нами и нашими семействами, привыкшими къ нѣгѣ и роскоши? — А когда подумаемъ еще о послѣднемъ часѣ жизни, — а онъ видимо приближается — то трепетъ объемлетъ сердце; когда вспомнишь о томъ, что́ взять съ собою въ вѣчность, съ чѣмъ явиться на судъ; то съ горестію видишь, что для неба еще ничего не приготовлено, что все пріобрѣтенное принадлежитъ землѣ и тлѣнію, и должно оставить насъ, и если-бы только оставило? А что — если пойдетъ за нами, и будетъ тамъ свидѣтельствовать противу насъ — о тѣхъ неправдахъ, коихъ стоило пріобрѣтеніе, о тѣхъ соблазнахъ, коими сопровождалось употребленіе, о тѣхъ грѣхахъ, коимъ оно служило поводомъ и орудіемъ? Такія мысли не даютъ покоя, преслѣдуютъ тайно день и нощь, томятъ душу, изъѣдаютъ сердце, заставляютъ и насъ сказать: *обнощь всю труждшеся, ничесоже яхомъ!* Всю жизнь провели, по видимому, въ счастіи; а истиннаго счастія не достигли, не достигли!..

Что сказать вамъ, братія, на ваши жалобы? Какой совѣтъ преподать? Поощрять ли къ новымъ трудамъ и усиліямъ на поприщѣ земнаго счастія? Обѣщать ли вамъ того въ будущемъ, чего вы не нашли въ прошедшемъ и не находите въ настоящемъ? Но это зна-

чило бы обманывать и себя и васъ. Нѣтъ, братія мои, какъ ни прискорбно, можетъ быть, для нѣкоторыхъ изъ васъ будетъ услышать истину; но мы должны возвѣстить ее въ слухъ всѣхъ. Доколѣ останетесь вы на пути міра, въ рабствѣ плоти и чувствамъ; дотолѣ никогда не достигнете истиннаго счастія. Міръ не можетъ дать, чего самъ неимѣетъ. Свидѣтель Соломонъ. Чего недоставало у него? Чего не могъ онъ сдѣлать, какъ царь и мудрецъ? и все дѣлалъ; и все испыталъ: что же нашелъ? Нашелъ, что въ нашемъ мірѣ все суета и крушеніе духа, все, кромѣ страха Божія и добродѣтели. То-же будетъ и съ вами, если вы останетесь на томъ же пути, при тѣхъ-же средствахъ къ счастію: испытавъ все, вы не найдете его ни въ чемъ; и на самомъ концѣ жизни принуждены будете сказать: *обнощь всю труждшеся, ничесоже яхомъ!* — Но какъ горька и вмѣстѣ безплодна будетъ тогда сія жалоба?

Что же, спросите, должно дѣлать? Перемѣнить путь, цѣль и средства, посвятить себя Богу и вѣчности, начать трудиться для души и неба, устремиться къ подвигамъ Вѣры и добродѣтели. Это не значитъ того, чтобы оставить свое званіе, или остановить теченіе вашихъ дѣлъ житейскихъ. Нѣтъ, пусть они текутъ

своимъ порядкомъ: каждый въ *немъ же званіи при-званъ бысть, въ томъ да пребываетъ*. Но вы трудились доселѣ для земли и времени, во всемъ искали токмо своихъ выгодъ и своего удовольствія, во всѣхъ случаяхъ и отношеніяхъ водились самолюбіемъ; Богъ и вѣчность, совѣсть и душа были предметами второстепенными, можетъ быть, послѣдними. Да станетъ теперь все на свое мѣсто! Божественное, духовное, вѣчное да возьметъ верхъ и господство надъ земнымъ и чувственнымъ; вмѣсто самолюбія да содѣлается источникомъ дѣйствій любовь къ Богу и ближнему; блага земныя да употребятся на дѣла благія, несчастія и скорби да преносятся въ смиреніи и преданности волѣ Божіей, приготовленіе къ смерти да займетъ главное мѣсто между всѣми попеченіями! Когда произойдетъ сія благотворная перемѣна съ вами; то мы, именемъ Господа, обѣщаемъ покой душамъ. Счастію земному не повредитъ это: напротивъ, оно очистится, освятится и получитъ истинную цѣну для васъ. Самое несчастіе, если-бы Господу угодно было послать его на васъ, потеряетъ горечь; ибо вы увидите въ немъ врачевство для исцѣленія отъ грѣховной проказы душъ вашихъ.

Вотъ нашъ совѣтъ, братія, совѣтъ всѣмъ и каждому! Другаго не можемъ дать; ибо другаго нѣтъ въ Евангеліи. Аминь.

—

СЛОВО,

ПРИ ПОСѢЩЕНІИ ПАСТВЫ,

СКАЗАННОЕ ВЪ ТОТЕМСКОМЪ

ѲЕОДОСІЕВОМЪ СПАСОСУМОРИНОМЪ МОНАСТЫРѢ,

ВЪ ЦЕРКВИ,

ГДѢ ПОЧИВАЮТЪ СВ. МОЩИ ПРЕПОДОБНАГО ѲЕОДОСІЯ.

Преподобный Отче Ѳеодосіе! Я твердо вѣрую, что ты, почивая здѣсь нетлѣнными мощами своими, никогда не оставляешь братію обители твоей безъ должнаго наставленія, — что не только она, но и всѣ, притекающіе съ вѣрою къ святымъ и многоцѣлебнымъ мощамъ твоимъ, не отходятъ отъ тебя безъ тайнаго вразумленія въ душѣ и совѣсти. Но долгъ Пастыря лежащій на слабыхъ раменахъ моихъ. велитъ и мнѣ благовѣствовать слово истины.

И такъ, благослови отверсть уста для собесѣдованія съ братіею твоею, и подкрѣпи слабое слово мое твоею крѣпкою молитвою.

Въ глубокую полночь достигъ я, братія, обители вашей; и однако же засталъ васъ всѣхъ бдящими и изшедшими на срѣтеніе меня съ горящими свѣтильниками. О, если-бы всѣмъ намъ срѣтить такимъ образомъ Того великаго Архіерея, *прошедшаго небеса*, который пріидетъ нѣкогда въ полунощи, и удостоиться войдти съ Нимъ въ свѣтлый чертогъ Его! И почему намъ и вамъ не имѣть сей благой надежды? Не для сего ли самаго вы притекли на обитаніе подъ кровъ сей святой обители? Не для сего ли оставили все, что имѣли и могли имѣть въ мірѣ? Не для сего ли произнесли святые обѣты и облеклись во вся оружія Божія? Не для сего ли переносите всѣ трудности и подвиги житія иноческаго и постническаго? При столькихъ средствахъ не достигнуть цѣли? Отъ столькихъ жертвъ не получить плода? Послѣ столькихъ сраженій не заслужить вѣнца? Что можетъ быть, не говорю горестнѣе, — постыднѣе? Что скажутъ о насъ въ такомъ случаѣ святые Угодники Божіи, коихъ имена мы носимъ, у подножія коихъ живемъ, по слѣдамъ коихъ пошли, молитвами коихъ ограждаемся и

укрѣпляемся? Что скажетъ о насъ тогда самый міръ, нами оставленный, когда изъ среды его явятся люди, кои удостоятся войдти въ свѣтлый чертогъ Жениха? Страшно, братія, и подумать о семъ: но должно думать! Когда великіе подвижники до конца жизни нерѣдко бывали въ страхѣ за свое спасеніе; то намъ ли предаваться безпечности и самодовольству? Когда самъ св. Павелъ, восхищенный до третіяго неба, бывшій еще во время земной жизни въ раю, говоритъ: *Азъ себе не у помышляю достигша* (Фил. 3, 13.), то намъ ли возлечь спокойно на ложахъ своихъ въ томъ мнѣніи, что мы уже достигли? — *Забывая*, по слову сего же Апостола, *задняя, всегда простиратися въ предняя* — вотъ наше правило и наша обязанность! Каждый день мы должны начинать такъ, какъ-бы еще ничего не было сдѣлано нами для своего спасенія; и каждый день оканчивать такъ, какъ-бы намъ уже нельзя было дѣлать ничего болѣе. Горе тому, кто отъ гордости и самомнѣнія, или отъ нерадѣнія и хладности — все равно — воздремлетъ на стражѣ души своей! Врагъ спасенія нашего не опуститъ сего случая, не замедлитъ, во время нашей дремоты, унесть оружіе духовное, постарается опутать, какъ Далида Сампсона, сѣтями чувственности духъ нашъ, набросить

смертоносную петлю на выю, и повлечь за собою въ пропасть адскую. Сугубое горе тому, кто съ полнымъ сознаніемъ отвращаетъ очи отъ высокой цѣли святаго званія своего, и устремляется вспять во Египетъ духовнаго рабства! О, возлюбленные, блюдитесь сего возвращенія вспять; а для сего помпнайте чаще, по заповѣди самого Спасителя, жену Лотову. Что погубило ее и обратило въ столпъ сланый? Воззрѣніе вспять на Содомъ погибающій. Этотъ погибающій градъ есть міръ лукавый и грѣшный, вами оставленный. И его ожидаетъ та-же участь, какая постигла грады, преогорчившіе Господа, — огнь и жупелъ. Ангелы хранители ваши извели васъ изъ суетъ житейскихъ, препроводили въ Сигоръ духовный, здѣшнюю Богоспасаемую обитель: не озирайтесь же вспять къ благамъ міра, вами оставленнымъ. Что вамъ въ нихъ? Вы и теперь, въ сей жизни, уже нашли блага лучшія — беззаботность отъ суеты мірской, свободу духа, покой душевный; но это одинъ залогъ благъ будущихъ. Тамъ, по свидѣтельству слова Божія, уготовано истиннымъ подвижникамъ то, чего око не видало, ухо не слыхало, что не восходило на самое сердце человѣческое. Есть чего подождать, есть для чего потрудиться! А міръ, обольщающій настоящимъ, развѣ вдругъ

даетъ, что объщаетъ? Когда требуетъ поклоненія себѣ, онъ каждый разъ говоритъ: *сія вся дамъ ти*: но поклонись ему, и увидишь, какъ онъ лишитъ тебя всѣхъ твоихъ собственныхъ совершенствъ и, вмѣсто награды, пошлетъ пасти свинія. Въ самомъ дѣлѣ, присмотритесь къ лицу людей, посѣщающихъ вашу обитель; много ли увидите свѣтлой радости на семъ лицѣ, много ли довольства и мира душевнаго? Всѣ воздыхаютъ и стонутъ, — бѣдные и богатые, безславные и славные; всѣ приходятъ у васъ искать утѣшенія и отрады душѣ и сердцу. Научитесь же, хотя изъ чуждаго, ежедневнаго опыта, познавать преимущество вашего состоянія и пользуйтесь имъ какъ должно.

Отъ чего наиболѣе всегда страдала и теперь страдаетъ жизнь иноческая? Отъ чего гибнутъ нерѣдко труды долголѣтніе, прежніе подвиги самоотверженія и набожности? Отъ невоздержанія. Рѣшиться прямо на дѣла неподобныя не могутъ многіе изъ самыхъ міролюбцевъ; инокъ тѣмъ паче защищенъ отъ того многими, даже внѣшними преградами. Но чувственность и плотоугодіе, особенно въ умѣренномъ видѣ, какъ это бываетъ сначала, кажутся невинными утѣшеніями плоти, даже нѣкіимъ родомъ необходимаго подкрѣпленія силъ, тѣмъ паче слабости тѣлесной. Но потокъ чув-

ственности, единожды открывшись въ душѣ, и незагражденный тотчасъ святымъ воздержаніемъ, подобенъ потокамъ горнымъ, стремится долу и растетъ, растетъ и ширится, ширится и свирѣпѣетъ, разсвирѣпѣвъ, все опровергаетъ и уноситъ съ собою. Что вначалѣ могло быть заграждено рукою младенца, противъ того тщетно силится стать потомъ и великанъ. О чемъ въ состояніи воздержанія и думать почиталось за грѣхъ, то, въ состояніи невоздержанія, совершать считается едва не за добродѣтель. Не такъ-ли низвергаются въ бездну грѣха иногда тѣ, кои подавали о себѣ самыя прекрасныя духовныя надежды, кои долго трудились, высоко взошли, и долго стояли на высотѣ?

Имѣя въ виду сіе, возлюбленные, никогда не слагайте съ себя святыхъ узъ воздержанія. А для сего помнайте чаще Лота и его заключеніе. Примѣръ страшный! Живя въ Содомѣ, онъ былъ чистъ и удостоился посѣщенія Ангельскаго; а достигши Сигора, палъ, какъ не падаютъ многіе изъ самыхъ грѣшниковъ. Отчего? оттого что, живя въ Содомѣ, бдѣлъ надъ собою и ограждался постомъ; а пребывая въ Сигорѣ, забылъ на-время святое воздержаніе. Если съ праведникомъ случилось такое ужасное паденіе отъ невоздержанія; то чего не сдѣлаетъ оно изъ насъ, сла-

быхъ и поползновенныхъ ко грѣху? Но Лотъ загладилъ свое паденіе; а о насъ, единъ Богъ вѣдаетъ, можно ли сказать, что мы, падши, возстанемъ.

Впрочемъ, если-бы кого и постигло искушеніе, не отчаявайся. Рана и сокрушеніе обратятся на главу врага, коль скоро покаешься и оставишь грѣхъ. Смиреніе есть наилучшая изъ добродѣтелей; а кому естественнѣе имѣть его какъ не падавшему? Этотъ драгоцѣнный плодъ, то-есть смиреніе, всегда можно пожинать послѣ самыхъ грѣхопаденій нашихъ. Не надобно только медлить въ безднѣ, должно тотчасъ вопіять о помощи, и дать себя извести изъ рова страстей. Мало ли у васъ помощниковъ и предстателей духовныхъ? Кромѣ благодати Божіей, никогда неоставляющей грѣшника, на сіе готовы всѣ святые Ангелы и всѣ угодники Божіи, тѣмъ паче Преподобный Θеодосій, вашъ началовождь и хранитель. Къ нему прибѣгайте, ему исповѣдайте грѣхи свои, у него просите помощи: онъ не оставитъ чадъ своихъ!

Прочее же, братіе моя, елика суть честна, елика истинна, елика праведна, елика прелюбезна, аще кая добродѣтель, и аще кая похвала, сія помышляйте (Фил. 4, 8). *Богъ же всякія благодати, возведый изъ мертвыхъ Пастыря овцамъ великаго кровію завѣта*

вѣчнаго, и призвавый насъ въ вѣчную свою славу о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Той *насъ, мало пострадавшихъ, да совершитъ, да утвердитъ, да укрѣпитъ,* (1 Петр. 5, 10. Евр. 13, 20.), *да оснуетъ, и да сокрушитъ сатану подъ ноги наши* (Рим. 16, 20). Аминь.

— —

СЛОВО,

ПРИ ПОСѢЩЕНІИ ПАСТВЫ,

СКАЗАННОЕ ВЪ ТОТЕМСКОЙ ПРИГОРОДНЕЙ,

ЧТО НА СОЛЕНОМЪ ЗАВОДѢ,

ЦЕРКВИ ВОСКРЕСЕНІЯ ГОСПОДНЯ.

Добро соль: аще же соль не слана будетъ, чимъ осолится? нивочтоже будетъ къ тому, точію да изсыпана будетъ вонъ и попираема человѣки. Имѣйте соль въ себѣ. — (Марк. 9, 50. Мат. 5, 13).

Какъ богата и неизчерпаема сокровищница слова Божія! И какъ легко Христіанскимъ проповѣдникамъ дѣлать свое дѣло! стоитъ только обращаться къ сей сокровищницѣ и взимать изъ нея, что нужно.

Сами согласитесь, братія, что промыслъ, коимъ постоянно занимаетесь вы здѣсь, не изъ самыхъ обыкно-

венныхъ занятій и промысловъ. — Мнѣ хотѣлось однако-же преподать вамъ наставленіе, по роду самыхъ занятій вашихъ. И вотъ, едва-только я помыслилъ о семъ, какъ представились мнѣ вышесказанныя слова Спасителя. Сами видите, какъ они близко идутъ къ вашему состоянію, и что въ нихъ содержится богатый урокъ *для* васъ. Углубимся же въ сей божественный источникъ назиданія, *для* пріобрѣтенія изъ него соли духовной.

Добро соль. И такъ, само слово Божіе похваляетъ предметъ вашихъ занятій. Обстоятельство не маловажное для васъ, кои проводите надъ солію, можно сказать, всю жизнь вашу.

Хотя никакой предметъ труда не можетъ унизить трудящагося, коль скоро онъ честенъ и полезенъ обществу: однако же лучше, безъ сомнѣнія, для трудящагося, если самый предметъ его всегдашнихъ занятій чистъ и здоровъ, тѣмъ паче если и поучителенъ для него. Предметъ вашего труда таковъ именно, по свидѣтельству самаго слова Божія: *Добро соль!* Чѣмъ добро? — тѣмъ, что это одна изъ самыхъ чистыхъ стихій земныхъ; — тѣмъ, что соль придаетъ въ устахъ человѣка всему вкусъ и пріятность; — тѣмъ, наконецъ, что соль есть употребительнѣйшее средство къ сохра-

нію слабыхъ вещей отъ порчи и тлѣнія. Посему-то соль издревле служила у всѣхъ народовъ символомъ совершенствъ духовныхъ, особенно мудрости, твердости и постоянства, вѣрности и цѣломудрія. — Посему-то, безъ сомнѣнія, когда предписывалось чрезъ Моусея Израильскому народу приносить Господу разныя жертвы; то вмѣнено въ обязанность, чтобы каждая изъ нихъ была осолена солію (Лев. 2, 13). Посему-то, на конецъ, Господь самихъ Апостоловъ своихъ сравнивалъ съ солію: *вы есте соль земли!* (Мат. 5, 13).

Какъ не добро послѣ сего соль? И какъ не добро имѣть ее предъ очами, дабы полюбить тѣ прекрасныя добродѣтели, кои она выражаетъ собою! Вы слышали, какія это добродѣтели: чистота, постоянство и нетлѣніе. Старайтесь же имѣть ихъ, братія; будьте и въ нравахъ и въ жизни чисты какъ соль, постоянны какъ соль, благопріятны всѣмъ, какъ соль, удалены отъ порчи и тлѣнія, какъ соль. Постыдно было бы цѣлый вѣкъ трудиться надъ солію, и между тѣмъ оставаться растлѣннымъ въ своихъ нравахъ, быть гнилымъ въ рѣчахъ и словахъ.

Какъ соль получаетъ своя прекрасныя качества? посредствомъ огня; безъ огня не было бы хорошей соли. Замѣтьте сіе, и старайтесь благодушно переносить

скорби и лишенія, неизбѣжныя въ жизни каждаго это огонь, необходимый для нашего очищенія. Кт пользуется симъ огнемъ какъ должно, тотъ самъ ста новится чистою солію на трапезу Господню.

Добро соль: аще соль обуяетъ, чимъ осолится? ни вочтоже будетъ къ тому, точію да изсыпана будет вонъ и попираема человѣки.

Не смотря на добротность состава своего, соль, пр нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, можетъ терять сво прекрасныя качества; становится несоленою и недѣй ствительною. Нѣтъ ничего хуже такой обуявшей соли она рѣшительно неспособна ни къ чему, даже вредит той земли, на которую ее высыпятъ. Такъ бываетъ съ солію: такъ бываетъ и съ людьми. Если служите ли олтаря престанутъ учить здраво, священнодѣйство вать со страхомъ Божіимъ; если не будутъ подават примѣра благой жизни; то что они, какъ не соль обу явшая, и что остается сей соли, какъ быть высыпае ною на всеобщее попраніе? Если начальники и пр ставники работъ и трудовъ не будутъ оказывать спр ведливости въ требованіяхъ и воздаяніяхъ, не будут снисходить немощи и нуждамъ трудящихся, не будут служить имъ примѣромъ усердія къ Церкви Божіе воздержанія и кротости; то что они, какъ не со

обуявшая? И куда годна сія соль, какъ не на то, чтобы ее изсыпать вонъ и попирать ногами? И вы, отцы и матери, если младыя дѣти наслушаются отъ васъ словъ срамныхъ, насмотрятся дѣлъ неподобныхъ; то что вы, какъ не соль обуявшая? Чѣмъ послѣ сего осолиться юному поколѣнію и избыть ранняго растлѣнія нравовъ? И что ожидаетъ нѣкогда васъ самихъ, когда вы явитесь предъ Отца небеснаго съ дѣтьми, развращенными примѣромъ вашимъ? — *Нивочтоже будетъ, точію да изсыплется вонъ въ попраніе человѣкомъ.*

Имѣйте соль въ себѣ. Заповѣдь крайне примѣчательная для всякаго, тѣмъ паче для васъ, кои трудитесь постоянно надъ солію. Слышите ли? мало имѣть соль внѣ себя, подъ своими стопами, и въ своихъ рукахъ; надобно, по слову Господа, имѣть соль въ самихъ себѣ. Что это за соль внутренняя? — Въ тѣлѣ человѣческомъ, какъ въ маломъ мірѣ, находятся всѣ стихіи; есть и соль, какъ необходимая часть цѣлаго. Но сія соль не зависитъ отъ насъ; нельзя по произволу ни имѣть, ни не имѣть ея; хотя недостатокъ естественной соляности въ тѣлѣ всегда сопровождается его разстройствомъ и болѣзнями. Бываетъ и въ душѣ человѣческой природная соль: это самое выражаемъ

мы, когда говоримъ, такой-то человѣкъ съ солію, въ его словахъ много соли; то-есть, онъ остръ и уменъ; его слова замысловаты и пріятны. Но и такой соли, съ одной стороны, нельзя имѣть, кто не получилъ ея отъ природы; а съ другой — сія соль, какъ показываетъ опытъ, не только не спасаетъ отъ тлѣнія, а нерѣдко сама производитъ тлѣніе духовное, обнаруживаясь въ вольномысліи и шуткахъ зловредныхъ, въ кощунствѣ, пересудахъ и злорѣчіи.

Какую же соль заповѣдуется намъ имѣть въ самихъ себѣ? Соль благодати, отвѣтствуетъ Ап. Павелъ. *Слово ваше*, говоритъ онъ, *да будетъ солію* благодати *растворено* (Кол. 10, 8). Если слово должно быть растворено солію благодати, то и мысль; если мысль, то и умъ; если умъ, то и душа. Благодать, и только она одна, своимъ дѣйствіемъ, своимъ огнемъ всеочищающимъ, образуетъ въ насъ соль духовную, исправляетъ и содѣлываетъ благопотребною и соль естественную. У человѣка облагодатствованнаго Духомъ Святымъ все бываетъ растворено солію благодати — мысль и чувство, слово и взглядъ; самый тѣлесный составъ, проникнутый сею солію, забываетъ свое тлѣніе, какъ показываетъ примѣръ нетлѣнныхъ тѣлесъ Св. Угодниковъ Божіихъ.

Но намъ ли, подумаетъ кто-либо изъ васъ, имѣть въ себѣ такую чудную соль и такую великую благодать? Въ нашемъ ли состояніи думать о такомъ совершенствѣ? А почему бы не только не думать о немъ, но и не имѣть его? Развѣ мы крестились всѣ не Духомъ Святымъ? Развѣ у Него недостанетъ зиждительнаго огня для образованія во всѣхъ насъ соли благодатной! Кто теперь Преподобный Ѳеодосій Тотемскій? Другъ Божій, собесѣдникъ и сожитель Ангеловъ, украшеніе Церкви Православной и свѣтило страны нашей. Но и онъ жилъ нѣкогда на семъ-же мѣстѣ, трудился надъ тѣмъ-же дѣломъ, коимъ занимаетесь вы; подобно вамъ копалъ землю, рубилъ дрова, сидѣлъ у огня день и ночь. Не помѣшали же ему всѣ сіи, такъ называемые, черные труды убѣлиться душею своею паче снѣга; не воспрепятствовали же ему сіи грубыя и плотскія занятія — утончить свой духъ, сдѣлаться сосудомъ благодати, духовною солію земли Тотемской. Какъ онъ могъ совмѣстить такой родъ жизни съ такими совершенствами духовными? тѣмъ, что среди всѣхъ занятій ограждалъ себя смиреніемъ и страхомъ Божіимъ, тѣмъ, что на все вокругъ себя смотрѣлъ чистыми очами Вѣры и изъ всего умѣлъ извлекать назиданіе и пользу духовную. Чувственная соль, которую

обработывалъ онъ, непрестанно напоминала ему слова Писанія, побуждала стараться о снисканіи тѣхъ благихъ качествъ, кои выражаетъ собою соль. Сидя у огня, на коемъ варилась соль, Θеодосій всегда преносился мыслію къ огню адскому и размышлялъ самъ съ собою такъ: «Если огонь, который разведенъ моими слабыми руками, такъ нестерпимъ и ужасенъ; то каковъ долженъ быть огонь, возженный десницею Всемогущаго для грѣшниковъ? Если въ этомъ нашемъ огнѣ нельзя и полминуты пробыть безъ жестокаго мученія: то каково должно быть мученіе тѣхъ, кои ввержены будутъ во огнь вѣчный?» Такъ размышлялъ самъ съ собою Преподобный, и, страхомъ вѣчныхъ мукъ, спасалъ себя отъ всякаго поползновенія на грѣхъ.

Что мѣшаетъ, братія мои, и вамъ всѣмъ имѣть подобныя мысли, и, просиживая цѣлые дни и ночи надъ огнемъ, вмѣсто того, чтобъ скучать отъ бездѣйствія, воспоминать объ огнѣ вѣчномъ и, воспомная, разсматривать себя и свою жизнь—нѣтъ ли въ ней такого, что неминуемо подлежитъ горѣнію въ немъ? Св. Угодникъ Божій для того, конечно, и былъ на вашемъ мѣстѣ, дабы вамъ оставить примѣръ. Подражайте ему; и тогда огонь, почти неугасаемо горящій у васъ, бу-

детъ производить сугубое дѣйствіе: образуя соль въ рукахъ вашихъ, онъ будетъ содѣйствовать къ образованію духовной соли внутрь васъ. Аминь.

СЛОВО,

ПРИ ПОСѢЩЕНІИ ПАСТВЫ,

СКАЗАННОЕ ВЪ УСТЮЖСКОМЪ УСПЕНСКОМЪ СОБОРѢ.

Прежде всего благодарю Господа, что даровалъ мнѣ быть въ вашемъ богоспасаемомъ градѣ и поклониться святымъ мощамъ Угодниковъ Божіихъ, въ немъ почивающихъ! Благодарю Господа, что сподобилъ меня воздѣть молитвенно къ Нему слабыя руки мои на томъ мѣстѣ, где воздѣвали ихъ святолѣпно преподобный Прокопій и Іоаннъ, Корнилій и Леонтій! Не малое преимущество, братія, жить въ такомъ градѣ, у подножія Святыхъ Божіихъ! Кто бы, напр., отвратилъ ужасную каменную тучу, висѣвшую нѣкогда надъ градомъ симъ, если-бы въ немъ не было тогда св. Про-

копія? Безъ сомнѣнія, и по успеніи своемъ св. Угодники не оставляютъ особеннымъ заступленіемъ своимъ тѣ мѣста, гдѣ почиваютъ нетлѣнными останками своими, и живущіе на сихъ мѣстахъ имѣютъ добрый залогъ упованія во всякой скорби и обстояніи.

Но, братія мои, видимая близость къ намъ св. Угодниковъ Божіихъ, толико полезная для насъ во всѣхъ отношеніяхъ, требуетъ и отъ насъ особеннаго преспѣянія въ вѣрѣ и добродѣтеляхъ Христіанскихъ. Иначе мы подвергнемся гораздо большему осужденію, въ сравненіи съ другими, за нашу нечистоту и нерадѣніе, какъ имѣвшіе предъ собою особенный примѣръ благочестія, особенное побужденіе быть истинными Христіанами.

И такъ, позвольте мнѣ, по долгу Пастыря Церкви, войдти съ вами въ разсмотрѣніе духовнаго состоянія вашего и для сего предложить любви вашей нѣсколько вопросовъ.

И во-первыхъ, храните ли вы въ цѣлости драгоцѣнный залогъ вѣры, преданный каждому изъ насъ при святомъ крещеніи? Памятуете ли, что всѣ мы, кто бы ни были, есмы существа падшія, кои, бывъ созданы невинными, украшены образомъ Божіимъ, поставлены въ раи сладости, предназначены къ безсмертію и блаженству вѣчному, не умѣли стоять на высо-

тѣ богоподобія, послушались совѣта зміинаго, низверглись произвольно въ бездну преслушанія и грѣха, разбились въ прахъ и потеряли все, что имѣли и могли имѣть? Памятуете ли, что для возстановленія насъ отъ сего ужаснаго паденія, для изведенія изъ бездны грѣха и тлѣнія, сошелъ на землю самъ Сынъ Божій; облекся нашею плотію, жилъ подобно намъ, претерпѣлъ всѣ роды бѣдности и поношеній, умеръ за насъ на крестѣ, сошелъ во адъ, и потомъ, воскресши изъ мертвыхъ, вознесся на небо, дабы со престола славы управлять всѣмъ міромъ къ нашему спасенію? Памятуете ли, что сей возлюбленный Искупитель нашъ, вознесшись на небо, послалъ намъ вмѣсто себе *иного Утѣшителя*, Духа пресвятаго, дабы Онъ пребывалъ съ нами во вѣкъ, наставлялъ насъ на всякую истину, утѣшалъ насъ во всякой скорби; — что сей всеблагій Духъ просвѣщаетъ насъ въ Пророкахъ и Апостолахъ, освящаетъ и врачуетъ въ таинствахъ Церкви, что Онъ обитаетъ благодатію своею въ каждой душѣ, которая не изгоняетъ Его изъ себя своею нечистотою и нераскаянностію? Памятуете ли, что у всѣхъ насъ есть общая, Самимъ Богомъ данная матерь, — Церковь Христова, которая отрождаетъ всѣхъ насъ водою и духомъ въ таинствѣ Крещенія, питаетъ всѣхъ насъ сло-

вомъ Божіимъ и Тѣломъ и Кровію Христовою въ таинствѣ причащенія, врачуетъ души и совѣсти въ покаяніи и исповѣди, сопровождаетъ насъ въ самыя двери гроба разрѣшеніемъ и молитвами своими, что связанное или разрѣшенное служителями ея связуется или разрѣшается въ то-же время на небѣ, и что всякъ, противящійся святымъ уставамъ Церкви, по сему самому, есть хуже мытаря и язычника? Памятуете ли, наконецъ, что всѣ мы здѣсь на земли — на краткое время, что всѣхъ насъ ожидаетъ смерть и судъ, что настанетъ время, когда все видимое прейдетъ, всѣ умершіе возстанутъ, дабы воспріять по дѣламъ своимъ, и что тогда истинно покаявшіеся получатъ блаженство нескончаемое, а нераскаянные подвергнутся вѣчнымъ мукамъ во адѣ?

Вотъ сущность святой Вѣры нашей! — Она высока и вмѣстѣ открыта каждому, какъ сводъ небесный: глубока, неисчерпаема и вмѣстѣ доступна всякому, какъ море; неизслѣдима въ существѣ и вмѣстѣ благотворна для всѣхъ и вездѣ, какъ солнце. Храните, братія, сію святую Вѣру: за нее Мученики пролили всю кровь свою; ей святые подвижники посвятили всю жизнь свою; для нея скитались *въ горахъ и пропастехъ земныхъ* тѣ, коихъ, по слову Апостола, *не бѣ*

достоинъ весь міръ (Евр. 11, 28). Стыдно и грѣшно будетъ намъ, если мы не сохранимъ сей святой Вѣры теперь, когда ничто не отвращаетъ отъ нея, и все побуждаетъ хранить ее въ цѣлости.

Соблюдая Вѣру правую, стараетесь ли, братія, жить по правиламъ сей святой Вѣры? Вы знаете, чего требуетъ она отъ насъ, — чтобъ мы нелюбили міра ни яже въ мірѣ, чтобы избѣгали похоти плоти, похоти очесъ и гордости житейской, чтобы препровождали жизнь въ цѣломудріи, благочестіи и правдѣ, чтобъ были милостивы, кротки, великодушны, чтобы помышляли и исполняли, по слову Апостола, *вся елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика прехвальна, аще кая добродѣтель, и аще кая похвала* (Фил. 4, 8). Такова ли ваша жизнь, возлюбленные? Кого Богъ благословилъ дарами счастія, благодаритъ ли тотъ Бога, и употребляетъ ли сіи дары во славу Его и на пользу ближнихъ? Кого Богъ благословилъ несчастіемъ, смиряется ли тотъ подъ крѣпкую руку Божію, носитъ ли свой крестъ благодушно и пользуется ли имъ для очищенія и освященія души своей? — Отцы и матери, воспитываете ли дѣтей вашихъ въ страхѣ Божіемъ, и подаете ли имъ примѣръ жизни святой и богоугодной? Чада и домочадцы, воз-

награждаете ли своею любовію и послушаніемъ родителямъ заботы и труды, для васъ подъемлемые, услаждаете ли своимъ усердіемъ и нѣжностію ихъ старость и немощи? — Господа и властители, памятуете ли, что и надъ вами есть Владыка, коему должны вы будете нѣкогда дать отчетъ въ участи подручныхъ вамъ, и не страждутъ ли они отъ вашей жестокости и вашихъ прихотей? Слуги и рабы, служите ли господамъ своимъ по-христіански, трудясь отъ души, а *не предъ очами точію работающе?* Знаете ли, что вы служите не человѣкамъ, а Господу, который поставилъ васъ при рожденіи въ сіе состояніе, и что чѣмъ труднѣе жребій вашъ *здѣсь*, тѣмъ большая ожидаетъ васъ награда *тамъ?* Христіанство не уничтожаетъ различія званій и состояній земныхъ; но оно облагороживаетъ и освящаетъ ихъ всѣ. Христіанинъ превыше земныхъ отношеній; каждое званіе для него есть только переходъ къ одному званію всеобщему, небесному. Тамъ все изравняется, все вознаградится сторицею; тамъ соединимся всѣ, и составимъ единое семейство Отца небеснаго.

Имѣя въ виду сію высокую цѣль бытія вашего, и зная, что въ будущее вѣчное царствіе Божіе не внидетъ ничтоже нечистое, стараетесь ли, братія, очи-

щать себя отъ всякія скверны плоти и духа, и украшать себя тѣми добродѣтелями, кои приличны наслѣдникамъ сего царствія? бѣгаете ли грѣха и соблазна, какъ язвы? Ищете ли дѣлъ благихъ, какъ сокровища? Стремитесь ли къ истинѣ? Любите ли правду? Услаждаетесь ли чистотою? Держитесь ли воздержанія? Храните ли кротость и смиреніе?

Господь премилосердый, вѣдый всю существа нашего немощь, преподалъ намъ наидѣйствительнѣйшее средство къ изглажденію самыхъ грѣхопаденій нашихъ: я разумѣю — покаяніе и исповѣдь. Пользуетесь ли вы симъ драгоцѣннымъ средствомъ, какъ должно? И производитъ ли оно въ васъ то, что должно? — пользуетесь ли? Мы ежедневно омываемъ лице и руки; почитаемъ за-необходимое чистить платье, обувь и внутренность домовъ нашихъ: какъ-же хотя разъ въ годъ не омыть души и сердца слезами покаянія? Не очистить совѣсти исповѣдію? Но покаяніе дѣйствительно только, когда оно сопровождается истиннымъ раскаяніемъ во грѣхахъ; исповѣдь сильна тогда только, когда мы не возвращаемся паки на тѣ грѣхи, въ коихъ пріяли отпущеніе. И такъ, стараетесь ли избѣгать тѣхъ мрачныхъ и скользкихъ стремнинъ, въ коихъ падала и сокрушалась ваша добродѣтель? При-

нимаете ли всѣ мѣры къ тому, чтобы нѣжный ростокъ невинности, возникающій въ таинствѣ покаянія, былъ ограждаемъ и хранимъ отъ новыхъ бурь, отъ новой засухи и ожесточенія грѣховнаго, отъ новаго наводненія потоками чувственности? Безъ сего вы будете возставать токмо для того, чтобы упасть снова и еще глубже, доколѣ не погрузитесь въ ту глубину золъ и нечестія, откуда нѣтъ исхода.

Послѣдній вопросъ: памятуете ли, братія, о своей смерти и приготовляетесь ли, какъ должно, къ послѣднему часу вашему? Неминуемъ и грозенъ часъ сей; страшно разлученіе души отъ тѣла! Тогда все оставитъ насъ, все — что занимало, обольщало, радовало и печалило! Позади міръ и жизнь; впереди вѣчность и судъ! Одна вѣра, одни добрыя дѣла, одно покаяніе и сокрушеніе сердца пойдутъ за нами, и будутъ въ помощь намъ, если мы стяжали ихъ. Памятуете ли сіе, возлюбленные, и готовитесь ли къ переходу изъ суетнаго міра сего въ вѣчность? Если мы, предпринимая какой-либо временный путь, заранѣе готовимся и обдумываемъ какъ совершить его, гдѣ и въ какое время остановиться, что гдѣ сказать и что гдѣ сдѣлать; то не крайнее ли безразсудство — имѣть предъ собою вѣчность и не думать предварительно, какъ вступить

въ нее, не стяжать надлежащаго запаса на безконечное странствованіе, не употребить всѣхъ силъ и средствъ на то, чтобы послѣдній грозный часъ не засталъ насъ внезапно — неготовыми? Ибо кто положилъ завѣтъ съ смертію? Кто можетъ сказать, что онъ увидитъ завтрешній день? Не пойдетъ нынѣ-же путемъ всей земли? Благо тому, кто живетъ такъ, что всегда готовъ окончить жизнь и предстать на судъ Божій! Но горе тому, кто потерялъ изъ виду послѣднюю цѣль бытія своего, кто поработилъ себя похоти и страстямъ, кто, имѣя еще возможность принести покаяніе во грѣхахъ своихъ и очистить ихъ вѣрою и слезами, — не спѣшитъ воспользоваться средствами къ спасенію грѣшной души своей! Пройдетъ драгоцѣнное время милосердія, — и двери затворятся! Начнетъ плакать и вопіять, — и никто не услышитъ! Да не постигнетъ сія страшная участь никого изъ васъ! — Аминь.

СЛОВО,

ПРИ ПОСѢЩЕНІИ ПАСТВЫ,

СКАЗАННОЕ ВЪ УСТЮЖСКОМЪ ІОАННО-ПРЕДТЕЧЕНСКОМЪ ЖЕНСКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

Среди пастырскаго странствованія моего, проповѣдуя въ разныхъ мѣстахъ слово Божіе, я всегда старался о томъ, чтобы по крайней мѣрѣ возродить въ слушателяхъ моихъ печаль по Бозѣ и сѣтованіе о грѣхахъ своихъ, пробудить въ нихъ мысль и тоску по небесномъ отечествѣ. Ибо между опасностями жизни мірской самая главная та, что человѣкъ, преданный земнымъ заботамъ, самъ непремѣнно земленѣетъ и дѣлается нечувствительнымъ къ своему спасенію; забываетъ совершенно, для чего онъ созданъ и къ чему

предназначенъ; живетъ какъ-бы ему никогда не надлежало умирать и явиться предъ страшный судъ Божій. Имѣя въ виду сію опасность, я всегда, въ моихъ бесѣдахъ, непосредственно обращался къ душѣ и совѣсти моихъ слушателей; тотчасъ вступалъ въ брань съ міромъ и его соблазнами, и, срывая съ сего врага личину его мнимыхъ прелестей, показывалъ все земное и временное во всемъ его ничтожествѣ. Здѣсь думаю, нѣтъ нужды говорить мнѣ такимъ языкомъ, обращаться къ симъ средствамъ убѣжденія. Ибо, кого я вижу предъ собою? Вижу многочисленный сонмъ женъ, кои не смотря на слабость своего пола, давно дерзнули сами вступить въ брань съ міромъ и доказали побѣду надъ нимъ уже самымъ удаленіемъ отъ него на-вѣки, кои, по заповѣди Евангельской, оставили все, чтобы воспріять благую часть Маріину и начать искать единаго на потребу. Такихъ слушателей къ чему побуждать? Отъ чего отвращать? Въ чемъ наставлять? — Вступивъ въ такой священный кругъ, не паче ли должно сорадоваться, благодарить Господа и славить? И мы, предстоя у Престола сего, не оставили принести должную жертву хвалы и благодаренія за васъ; и васъ самихъ приглашаемъ какъ-можно чаще дѣлать то-же самое. Ибо безъ Его всесильной помощи

вы не только не разорвали бы узъ міра, на васъ лежавшихъ, но, можетъ быть, и не подумали бы разрывать ихъ когда-либо. Въ самомъ дѣлѣ, мало ли въ мірѣ людей, кои вполнѣ чувствуютъ тяжесть своего мірскаго положенія; желали бы выдти и убѣжать изъ области духовнаго рабства, но не могутъ сдѣлать сего; сто разъ можетъ быть собирались, подобно древнимъ Израильтянамъ, въ путь, и доселѣ сидятъ въ плѣну на рѣкахъ Вавилонскихъ; тоскуютъ и плачутъ о родномъ Іерусалимѣ, но остаются въ Вавилонѣ. То-же было бы и съ вами — безъ особенной благодати Божіей къ вамъ. Памятуйте же, возлюбленныя, благодѣянія Божіи, и пользуйтесь для своего спасенія преимуществами вашего званія и вашей свободы духовной.

Чего не достаетъ вамъ для спасенія? Міръ съ своими соблазнами не смѣетъ преступить за прагъ святой обители вашей; и если является кто здѣсь, то не въ видѣ грознаго владыки, требующаго отъ рабовъ своихъ жертвъ и поклоненія, а въ видѣ странника и пришельца, чтобъ послушать вашего богослуженія, поучиться вашимъ примѣромъ. Церковь со всею святынею, со всѣми таинствами, со всѣми обѣтованіями своими такъ близка къ каждой изъ васъ, что вы всѣ, подобно преблагословенной Матери Божіей, живете

подъ сѣнію дома Божія. Страждетъ ли какая-либо сестра отъ старости? Руки младыхъ сестръ готовы на услуги и помощь. Страждетъ ли какая-либо сестра отъ младости? Уста и сердца сестръ опытныхъ готовы на утѣшеніе и на молитву за нее. Приходитъ ли недугъ тѣлесный? Не далеко врачество и тѣлесное, если его требуютъ; а духовное всегда является, хотя-бы его и не требовали почему-либо. Приходитъ ли конецъ самой жизни? Не о чемъ думать и пещись, кромѣ души своей; спокойно можно закрыть глаза, бывъ увѣренною, что оставшіяся въ живыхъ сестры сдѣлаютъ все, что нужно для поминовенія души отшедшей. Можно ли желать состоянія лучше сего тому, кто воистину ищетъ своего спасенія?

Но мы, помыслятъ при семъ нѣкоторыя изъ васъ, не можемъ, къ сожалѣнію, посвящать всего времени нашего Богу и молитвѣ; должны трудиться и работать для снисканія себѣ хлѣба насущнаго: это заставляетъ иногда даже оставлять богослуженіе или стоять на немъ съ разсѣянною мыслію и думать о земномъ.

Такого разсѣянія мыслей надобно всячески избѣгать, возлюбленныя. Но что виною его? Трудъ ли тѣлесный? Напротивъ, извѣстно, что праздность порождаетъ

еще болѣе разсѣянія и земныхъ помысловъ. Среди труда, если мысль и обращается въ земномъ, то по крайней мѣрѣ около предметовъ труда, все еще довольно чистыхъ и невинныхъ, а тамъ, у праздности, мысль любитъ парить и извиваться около предметовъ самыхъ чувственныхъ и нечистыхъ. Это разсѣяніе мыслей, на которое въ вашемъ состояніи такъ часто жалуются, вообще сродно нашей падшей и нечистой природѣ; и доколѣ мы не освободимся отъ него духовнымъ бдѣніемъ и молитвою, доколѣ не побѣдимъ, благодатію Божіею, зла въ насъ живущаго, не подчинимъ воображенія уму, ума волѣ Божіей; дотолѣ, гдѣ-бы мы ни были, хотя бы на самомъ небѣ, будемъ разсѣяны и преданы мыслямъ земнымъ. А что касается собственно труда тѣлеснаго; то онъ, самъ по себѣ, не только не вредитъ духовной жизни, а напротивъ, служитъ для нея помощію и оградою. Посему-то именно у древнихъ подвижниковъ благочестія время и дѣлилось всегда между занятіями духовными и трудомъ тѣлеснымъ. Духа праздности они почитали величайшимъ врагомъ духовной жизни, особенно родителемъ духа унынія; и потому молились первѣе всего о удаленіи его отъ себя, какъ это показываетъ молитва св. Ефрема, такъ часто повторяемая въ св Четыредесятницу. По сему-же,

безъ сомнѣнія, самъ Господь и Пречистая Матерь Его благоволили своимъ примѣромъ, въ поученіе наше, освятить трудъ тѣлесный. Ибо кто, думаете, доставлялъ пропитаніе Господу, когда Онъ жилъ до тридесяти лѣтъ въ дому Іосифовомъ, въ Назаретѣ? Архангелы и Ангелы? Нѣтъ, руки старца и древодѣля Іосифа и Его собственныя! Чѣмъ, послѣ молитвы и слова Божія, занята была обыкновенно Матерь Божія? Сотвореніемъ чудесъ? Изреченіемъ пророчествъ? Нѣтъ, обыкновенными дѣлами своего пола, трудами тѣлесными, плодомъ коихъ былъ и тотъ непшвенный хитонъ, который покрывалъ наготу божественнаго Сына Ея предъ распятіемъ. Видите, кто трудился и работалъ? Намъ ли послѣ сего жаловаться на трудъ и думать, что онъ мѣшаетъ жизни духовной? Нѣтъ, если какая изъ сестръ находится въ необходимости труда; та благодари за сіе Господа, который поставилъ ее въ состояніе, подобное бывшему состоянію на землѣ Его собственному и Матери Своей; а если какая сестра не находится въ сей необходимости, та ставь, какъ можно чаще, сама себя въ состояніе труда, дабы не лишиться мзды трудящихся, дабы избѣгнуть опасностей праздности, дабы не подпасть подъ строгое, но совершенно праведное

изреченіе Апостола: *не трудившійся, да не ястъ!* Другое дѣло — немощь тѣлесная и неспособность къ труду: когда замѣтите ее въ какой-либо изъ сестръ, то спѣшите остановить трудящуюся; помогайте ей соединенными силами, кто отъ избытка, кто отъ усердія, дабы излишекъ труда, обременивъ тѣло таковой, не повредилъ и ея душѣ. Когда будете поступать такимъ образомъ; тогда все пойдетъ хорошо, и между вами не будетъ воздыханій отъ трудовъ.

Что еще сказать вамъ, возлюбленныя о Господѣ сестры? Не забывайте цѣли, съ коею пришли вы сюда; не забывайте обѣтовъ, вами произнесенныхъ; не забывайте смерти и суда страшнаго! Никакія ограды не защитятъ насъ отъ нападеній врага, если мы не станемъ ограждать себя непрестанно именемъ Господа Іисуса, смиреніемъ и бдѣніемъ духовнымъ надъ своимъ сердцемъ; никакія молитвословія и службы не освятятъ насъ, если въ душѣ нашей не учредимъ непрерывнаго служенія Богу духомъ и истиною, кротостію и чистотою, покаяніемъ и исповѣданіемъ предъ Сердцевѣдцемъ грѣховъ своихъ. А учредить внутрь насъ сего божественнаго служенія никто не можетъ, кромѣ самаго Духа Святаго. Къ сему-то Пресвятому Духу обра-

щайтесь какъ-можно чаще съ молитвою о томъ. Онъ не только наставитъ васъ на всякую истину, но и подастъ силы исполнить всякую правду. Аминь.

СЛОВО.

ПРИ ПОСѢЩЕНІИ ПАСТВЫ,

СКАЗАННОЕ ВЪ СОЛЬВЫЧЕГОДСКОМЪ СОБОРѢ.

Принесши на Алтарѣ семъ безкровную жертву о благосостояніи вашего града, воспомянувъ надъ нею молитвенно живыхъ и мертвыхъ, я, по долгу Пастыря, долженъ теперь обратиться къ вамъ, братія, съ словомъ назиданія Христіанскаго. Желалъ бы побесѣдовать съ вами о многомъ, желалъ бы повторить вмѣстѣ съ вами все ученіе о благочестіи Христіанскомъ: но краткость времени не позволяетъ сего. Впрочемъ, если-бы мы имѣли и много времени; то можно ли сказать съ сего мѣста все? Могутъ ли сдѣлать это даже здѣшніе Пастыри ваши и наставники, бесѣдуя съ вами часто? Кто хочетъ знать все, что нужно для его

спасенія, тотъ необходимо долженъ размышлять и учиться самъ; и благодареніе Господу! у каждаго изъ насъ есть средства къ тому. На сіи-то средства хочу я указать вамъ теперь, дабы вы пользовались ими, когда захотите. Ибо, къ сожалѣнію, многіе ими вовсе не пользуются, и потому остаются во тьмѣ и невѣдѣніи.

Самое первое къ наученію себя у каждаго человѣка средство есть его совѣсть. У кого изъ людей нѣтъ совѣсти? Кто не слышитъ, хотя по временамъ, голоса, повелѣвающаго ему то или другое дѣлать, а это или сіе оставить? Что же такое совѣсть, какъ не гласъ Самого Бога? Онъ, Отецъ небесный, посылая насъ въ міръ сей, далъ намъ сіе драгоцѣнное напутіе; Онъ Самъ вложилъ въ душу нашу сей глаголъ неумолкающій. Если-бы мы слушались своей совѣсти, сохраняли, какъ должно, сіе зерцало истины и правды: то внутрь насъ непрестанно совершалось бы непосредственное откровеніе воли Божіей, и мы безъ наставниковъ знали бы все, что намъ должно дѣлать. Но, вотъ наше несчастіе! Вмѣсто того, чтобъ поступать по совѣсти, мы большею частію идемъ вопреки ей; водимся чувствами, привычками, страстями, а о совѣсти небрежемъ, заглушаемъ ее, подавляемъ. Отъ се-

го зеркало совѣсти тускнетъ, и, покрываясь прахомъ суетъ, не можетъ отражать въ себѣ и показывать намъ ясно образа нашего; отъ сего голосъ совѣсти слабѣетъ, становится невнятенъ, наконецъ умолкаетъ, такъ-что мы остаемся безъ совѣсти. Правда, что такой человѣкъ самый несчастный; горе тому, кто погубилъ совѣсть! Но, кто виною сего горя? Самъ человѣкъ; притомъ всегда есть средство выйдти изъ сего несчастнаго состоянія. Омой зерцало совѣсти слезами покаянія; и оно паки станетъ свѣтлымъ и будетъ отражать и показывать тебѣ весь образъ бытія твоего; очисть и освободи слухъ душевный отъ сора страстей; и паки будешь слышать внутрь себя гласъ Божій; ибо совѣсть, какъ мы сказали, есть откровеніе въ насъ воли Божіей.

Второе средство къ наученію себя у каждаго есть собственная жизнь. Не напрасно жизнь называютъ школою и говорятъ — «вѣкъ живи, вѣкъ учись»: жизнь подлинно есть школа, и притомъ — Божія. Ибо въ чьихъ рукахъ наша жизнь и кто управляетъ ею? Богъ! Безъ Его воли, какъ учитъ слово Божіе, не падаетъ съ головы нашей ни одного волоса. Если безъ воли Божіей не можетъ упасть волосъ; кольми наче не можетъ произойдти съ нами что-либо важное. По-

сему на все, что ни случается съ нами въ жизни, мы должны смотрѣть какъ на уроки премудрости Божіей и во всемъ видѣть благую волю Божію, насъ вразумляющую. Если-бы мы смотрѣли такимъ образомъ на свою жизнь, то непрестанно получали бы наставленіе. Но вотъ наше несчастіе! Мы обыкновенно думаемъ, что за нами съ неба никто не смотритъ, и что нашею жизнію никто не управляетъ. Отъ сего драгоцѣнные уроки, преподаваемые намъ свыше въ событіяхъ нашей жизни, остаются непринятыми, непонятными, и потому безплодными. Особенно нельзя не пожалѣть въ семъ отношеніи о такъ называемыхъ несчастіяхъ жизни. Если промыслъ посылаетъ ихъ на насъ; то всегда съ особенною цѣлію — научить насъ чему-либо, или для возбужденія насъ отъ сна греховнаго, для обузданія въ насъ чувственности, гордости и прочихъ страстей. Въ такомъ случаѣ несчастія именно подобны тѣмъ сильнымъ средствамъ, кои опытные врачи предписываютъ больнымъ въ крайности, и коихъ свойство то, что они или производятъ рѣшительный поворотъ на лучшее, или истощаютъ силу жизненную. По сему несчастія всегда должны бы оказывать самое благотворное дѣйствіе на духъ нашъ. Но часто бываетъ совсѣмъ напротивъ; почему? Именно потому, что мы,

находясь въ несчастіи, вмѣсто того, чтобъ признать на себѣ руку Божію, возвести очи къ небу и слышать гласъ Отца небеснаго, глаголющаго къ намъ въ несчастіи нашемъ, предаемся малодушію, ропоту, клянемъ людей и судьбу, а о Богѣ и душѣ своей не хотимъ и подумать.

Наконецъ сама природа, насъ окружающая, самыя вещи бездушныя могутъ и должны служить для насъ въ наученіе полезное. Ибо что такое природа? Ужели сборъ вещей, неимѣющихъ никакого смысла? Нѣтъ, это зерцало, въ коемъ, по свидѣтельству Апостола Павла, отражаются совершенства Божіи, самая *присносущная сила* Творца *и* Его *Божество* (Рим. 1, 5). Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на кипящее волнами море или на тучу, разсѣкаемую молніею и громами: не образъ ли это всемогущества Божія? Посмотрите на сводъ небесный, усѣянный звѣздами, на восходящее и заходящее солнце: не образъ ли это премудрости Божіей? Посмотрите на весну, украшенную цвѣтами, ведущую за собою хоры пернатыхъ: не образъ ли это благости Божіей? Что мѣшаетъ тебѣ, смотря на всѣ сіи картины, восходить мыслію къ совершенствамъ Творца твоего? Ты видишь, какъ въ природѣ все течетъ стройно и въ порядкѣ: долженъ стараться, что-

бы все текло такъ стройно и въ твоей жизни. Видишь, какъ солнце сіяетъ не только на благія, но и на злыя; старайся и самъ быть благимъ ко всѣмъ, самымъ ненавидящимъ и злымъ. Услышишь громъ; вспомни о гласѣ Божіемъ къ Адаму падшему: *Адаме, гдѣ еси?* и обрати сей гласъ къ своей душѣ. Увидишь радугу; вспомни о потопѣ, истребившемъ за грѣхи первый міръ, послѣ чего радуга поставлена Богомъ въ знаменіе мира. Настанетъ затмѣніе луны или солнца; пренесись мыслію къ тому времени, когда солнце померкнетъ вовсе и луна не дастъ свѣта. Самыя обыкновенныя занятія наши житейскія могутъ служить намъ въ поученіе. Ты вышелъ на поле посмотрѣть на посѣянное тобою осенью. Сѣмена были всѣ равны; рука твоя бросала ихъ одинаково; но всходъ и ростъ вышелъ различенъ: что пало на землѣ худой и каменистой, то едва взошло, рѣдко и слабо; что пало возлѣ дороги, то хотя взошло и хорошо, но пострадало отъ проходящихъ и проѣзжающихъ; что пало на землю не хорошо выбороненную, то хотя также взошло не худо, но подавлено сорными травами: хорошо растетъ и веселитъ твое сердце одно то, что усѣлось на землѣ хорошей и хорошо очищенной. Вотъ изображеніе нашихъ душъ и сердецъ въ отношеніи къ слову

Божіе! Осмотрись же — не камень ли твое сердце, не поросло ли и оно терніемъ и волчцами — похотями и страстями житейскими? — Или ты работаешь въ своемъ саду и изъ дикихъ деревьевъ дѣлаешь деревья садовыя, отрѣзывая вѣтвь отъ хорошаго дерева и приставляя къ дикому. Вотъ тебѣ символъ того, что должно быть съ тобою для твоего исправленія и перерожденія духовнаго. Когда ты вѣрою привьешься къ Божественной лозѣ — Спасителю твоему, то и самъ ты содѣлаешься человѣкомъ новымъ, плодоноснымъ, достойнымъ того, чтобъ быть пересаженнымъ, въ свое время, въ вертоградъ небесный.

Столько у насъ къ наученію средствъ естественныхъ! Такъ можемъ мы учиться у своей совѣсти, отъ своей жизни и отъ природы, насъ окружающей! Но мы — Христіане: у насъ, кромѣ естественныхъ средствъ къ наученію, есть не мало сверхъ-естественныхъ, данныхъ намъ свыше.

Таково — слово Божіе, — писанія Пророкомъ и Апостоловъ. Чему не могутъ они научить насъ? Слово Божіе, по свидѣтельству Апостола, полезно на все, *ко ученію, ко обличенію, къ исправленію, къ наказанію еже въ правдѣ, да совершенъ будетъ Божій человѣкъ и на всякое дѣло благое уготованъ* (2 Тим. 3, 16. 17).

А кто не можетъ имѣть св. книгъ, если захочетъ? Ибо цѣна ихъ менѣе цѣны тѣхъ орудій, коими ты работаешь. — «Но, многіе не умѣютъ читать». Такъ слушай, когда читаютъ слово Божіе въ церкви. Здѣсь, въ продолженіи года, прочитываются всѣ Евангелія, всѣ посланія Апостольскія, большая часть писаній Пророческихъ. Но вотъ несчастіе нашего времени! Нынѣ многіе умѣютъ читать и небрегутъ о томъ, чтобъ узнать и прочитать слово Божіе; бросаются на самыя негодныя книги, на самыя жалкія и душетлѣнныя басни, пожираютъ ихъ съ жадностію; а не хотятъ узнать, что написано къ нимъ съ неба, о ихъ вѣчномъ спасеніи! Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ водятся любопытствомъ, а тутъ нѣтъ и любопытства. Безчувствіе самое непростительное! Ибо, если-бы ты, говоритъ св. Златоустъ, получилъ письмо отъ царя: то не поспѣшилъ ли бы его прочитать? Не умѣя самъ читать, не просилъ ли бы о семъ тотчасъ другаго, умѣющаго? Не перечитывалъ ли бы сто разъ сего письма, и не показывалъ ли бы его при всякомъ удобномъ случаѣ другимъ? А Царь небесный написалъ къ намъ письмо, и мы, умѣя даже читать, не хотимъ ни разу прочесть его? Можетъ ли быть большей неблагодарности, безчувствія преступнѣе? Или если-бы кто нище-

му оставилъ по смерти своей завѣщаніе на богатое наслѣдство, и этотъ нищій не смотрѣлъ бы на это завѣщаніе и не захотѣлъ прочесть его, что̀ сказали бы мы о семъ человѣкѣ? Не то ли, что онъ сошелъ съ ума и врагъ самъ себѣ? А намъ всѣмъ оставлено завѣщаніе Спасителемъ нашимъ на цѣлое Царство небесное, завѣщаніе написанное не чернилами, а, можно сказать, Кровію Его; и мы, имѣя всю возможность, не хотимъ даже прочитать и узнать его! Что можетъ быть преступнѣе такого невниманія? —

Второе сверхъ-естественное средство къ наставленію у каждаго изъ насъ есть Церковь. Я говорю сверхъестественное: ибо мы можемъ строить только стѣны храмовъ; а Церковь создана единожды и навсегда непосредственно Самимъ Богомъ: она основана на чудесахъ, держится чудесами, и производитъ чудеса; ибо основана на краеугольномъ камени — Сынѣ Божіемъ; держится силою Духа Св., воскрешаетъ умершихъ грѣхами для жизни вѣчной. Что-же есть Церковь, какъ не богоучрежденное для всѣхъ училище? Тутъ въ одной Литургіи ты услышишь всю жизнь своего Спасителя и всю тайну твоего спасенія; тутъ на одномъ иконостасѣ изображенъ предъ тобою весь соборъ Святыхъ, дабы ты могъ избрать любаго для подражанія

Его жизни. Въ продолженіе года, въ Церкви пройдутъ предъ тобою всѣ праздники — съ ихъ таинствами и величіемъ; всѣ дни Святыхъ — съ ихъ добродѣтелями и подвигами; всѣ посты — съ ихъ слезами и умиленіемъ душевнымъ, всѣ дни поминовенія усопшихъ — съ памятію о смерти и судѣ страшномъ. И много ли нужно для того, чтобы каждому учиться въ Церкви? Нужны только глаза и слухъ, вниманіе и смыслъ. Приходи кто угодно, всѣмъ отверсты двери; не потребуютъ справокъ, кто ты и имѣешь ли право учиться; не подвергнутъ испытаніямъ въ способности и познаніяхъ. Приходи по-утру: услышишь заутреню, и въ ней изображеніе сотворенія міра; приходи среди дня: услышишь Литургію и будешь приглашенъ къ трапезѣ тѣли и крови Христовой; приходи вечеромъ: застанешь вечерню, и поучишься скончанію міра и собственной жизни. — Такова Церковь! истинная мать во всѣхъ отношеніяхъ! Истинная наставница для всѣхъ и каждаго! И чѣмъ-же многіе отвѣчаютъ на любовь сей матери? Тѣмъ, что почти никогда не ходятъ въ церковь: тѣмъ, что и пришедъ въ нее, загнанные какимъ-либо случаемъ, стоятъ разсѣянно, дерзко, мятежно предаются разговорамъ, даже смѣху! Что можетъ быть преступнѣе такихъ поступковъ?

Поелику худые ученики и при многихъ наставникахъ успѣваютъ слабо; а отъ насъ трудно было ожидать должнаго прилежанія къ наукѣ, не смотря на то, что это наука нашего спасенія: то любовь Божія, кромѣ вышеозначенныхъ наставниковъ видимыхъ, приставила къ намъ еще наставниковъ невидимыхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, каждый изъ насъ, какъ учитъ св. Церковь, имѣетъ Ангела хранителя: что же такое Ангелъ хранитель, какъ не вмѣстѣ и Ангелъ учитель? — Можетъ ли такой наставникъ не знать что-либо, нужное для нашего спасенія, или, знавъ, не сказать намъ того? Его радость, его честь состоитъ въ томъ, чтобы хранимый имъ человѣкъ не оставался во тьмѣ невѣдѣнія. Посему, если кто остается, то виною того самъ. И мало ли виновныхъ въ семъ отношеніи? Многіе ли обращаются съ молитвою къ своему Ангелу хранителю за наставленіемъ? сколько такихъ, кои даже и не вѣдаютъ того, что у нихъ есть Ангелъ хранитель. Здѣсь съ горестію я долженъ принести вамъ жалобу на васъ самихъ, и желалъ бы, чтобы сія жалоба услышалась по всѣмъ предѣламъ паствы Вологодской. Вездѣ по церквямъ, мною посѣщеннымъ, и внѣ церквей, гдѣ случалось спрашивать дѣтей о вѣрѣ, я съ утѣшеніемъ видѣлъ, что малыя дѣти ваши почти всѣ знаютъ

Сумволъ Вѣры и молитву Господню. Но при вопросѣ объ Ангелѣ хранителѣ, они останавливались, смущались, не знали что сказать, и даже что думать; видно было, что это для нихъ лице вовсе неизвѣстное. Какъ не возскорбѣть о семъ, и какъ не обратиться съ упрекомъ къ отцамъ и матерямъ?! Почему бы не внушить дитяти, что у него есть Ангелъ хранитель? — Пусть бы, по крайней мѣрѣ, зналъ о семъ. Если-бы мы имѣли какого богатаго родственника, или знатнаго покровителя; то безъ сомнѣнія не опустили бы внушить это дѣтямъ: а Ангелъ хранитель для насъ ничего не значитъ; о немъ трудно сказать хотя два, три слова дѣтямъ!. Такъ мало цѣнимъ мы сего небеснаго наставника! Такъ платимъ любви Божіей за то, что она приставила каждому изъ насъ такого высокаго и святаго пѣстуна и хранителя!

И такъ, вотъ сколько имѣемъ мы учителей и наставниковъ, и естественныхъ и сверхъ-естественныхъ, и видимыхъ и невидимыхъ! И могло ли быть иначе? — Тотъ, кто пролилъ за насъ на крестѣ всю кровь свою, могъ ли пожалѣть для насъ наставленій? И если-бы нужно было, то не стало ли бы у Него средствъ воздвигнуть для всѣхъ насъ училища, приставить ко всѣмъ намъ самыхъ умныхъ наставниковъ? Но для спа-

сенія нашего это ненужно; а что нужно, то все сдѣлано: внѣ насъ раскинутъ надъ нами огромный сводъ небесный и простерта подъ нами земля съ ихъ поучительнымъ разнообразіемъ; внутрь насъ начертанъ неизгладимый законъ совѣсти, и внѣдрены начала разума; — по всей землѣ устроены церкви Божіи; на всѣхъ языкахъ слышится слово Пророковъ и Апостоловъ; къ каждому приставленъ въ пѣстуна Ангелъ хранитель; надъ всѣми носится и всѣхъ просвѣщаетъ Духъ Святый. Не у сихъ ли учителей учились всѣ Святые Божіи человѣки? Многіе изъ нихъ не знали никакого земнаго образованія, не умѣли ни писать, ни читать; и при всемъ томъ не только сами просвѣтились свѣтомъ небеснымъ, но и сдѣлались свѣтилами вселенныя.

Не будемъ же сожалѣть, что большая часть изъ насъ незнакомы съ земными науками, — для царствія Божія онѣ ненужны; будемъ пользоваться Богомъ данными средствами къ наставленію нашему; паче же всего постараемся познанное, хотя и малое, всегда оправдывать дѣлами; тогда мы опытно узнаемъ, что путь на небо не прегражденъ никому, и что если въ чемъ — то въ познаніи пути сего нѣтъ ни для кого недостатка. Аминь.

СЛОВО,

НА ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО ДІОНИСІЯ ГЛУШИЦКАГО

СКАЗАННОЕ ВЪ ГЛУШИЦКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

Аще узриши мя вземлема отъ тебе, будетъ ти тако; аще ли не узриши, не будетъ. (4 Цар. 11, 10).

Такъ говорилъ Пророкъ Илія ученику своему и преемнику Пророку Елиссею, просившему у него, предъ взятіемъ его на небо, въ наслѣдіе себѣ *духа сугуба*, то-есть силу благодати вдвое противъ той, которая обитала въ Иліи. Елиссей въ точности исполнилъ дивное условіе; удостоился видѣть, какъ *колесница огненная и кони огненные* восхитили учителя его на небо; посему и сподобился пріять просимое: падшая на него сверху милоть Иліина дала знать, что вмѣстѣ съ нею прешелъ на него и духъ Иліинъ.

Мы, братія, не зрѣли возносимою на небо чистой и святой души великаго и святаго основателя обители сей, нынѣ благочестно нами ублажаемаго; никто изъ насъ не просилъ у него предъ кончиною духа, тѣмъ паче сугубаго: и однакоже онъ, отходя на небо, оставилъ, подобно древнему Пророку, намъ милоть свою, и какую милоть? Не одежду, хотя и она отъ Святыхъ Божіихъ не мало значитъ, а свое нетлѣнное тѣло, которое, какъ милоть, служило нѣкогда покровомъ для чистой и святой души его.

Для чего оставилъ? Скажемъ необинуясь, что для того-же, для чего оставлена была Иліина милоть Елисеію, то-есть, чтобы въ насъ, если возможно, былъ духъ праведника сугубъ. Ибо судите сами, если обыкновенная милоть служила знакомъ духа сугубаго; то милоть намъ оставленная, составляющая сама по себѣ великое чудо, не можетъ не быть знакомъ и залогомъ величайшихъ дарованій. И такъ, могій вмѣстити, да вмѣститъ!—У Того, Кто даетъ способнымъ *духа безъ мѣры*, станетъ духа для всякаго—въ мѣру возраста его.

Но большей части изъ насъ далъ бы Господь имѣть хотя тотъ благой духъ, который обиталъ въ ублажаемомъ нами праведникѣ. Ибо какихъ благихъ качествъ

не имѣли бы, какихъ благихъ дѣлъ не совершили бы мы, если-бы оживлены были духомъ Христовымъ въ той мѣрѣ, въ какой исполненъ былъ имъ Преподобный *Діонисій?*

Если-бы кто почелъ и эту мѣру не по себѣ и своимъ слабостямъ, тотъ возьми меньшую, возьми, если угодно, самую малую; но надобно взять какую-либо непремѣнно. Ибо для чего-же оставлена и тебѣ, наравнѣ съ другими, чудесная милоть? Уже-ли для того, чтобы ты поклонялся ей и лобызалъ ее, не заемля нисколько духа у Угодника Божія? — Но, для сего стоило ли бы ей цѣлые вѣка оставаться невредимою отъ тлѣнія? Стоило ли бы для сего и намъ, оставивъ все, домы и дѣла наши, собираться въ такомъ числѣ въ *сію пустыню?* — Нѣтъ, сія чудесная милоть оставлена намъ, безъ сомнѣнія, для какого-либо святаго употребленія: какого? Елиссей милотію Иліиною раздѣлилъ Іорданъ и прешелъ его по суху; а мы милотію Угодника Божія будемъ раздѣлять потокъ времени и всего временнаго, потокъ удовольствій и сладостей мірскихъ, потокъ худыхъ примѣровъ и соблазновъ, тотъ потокъ, въ коемъ многіе утопаютъ такъ безгодно. Какъ раздѣлять? Повергая въ него милоть Преподобнаго. Тебя, напр., окружаетъ потокъ чувствен-

ности и нечистыхъ удовольствій, ты самъ видишь, что можешь въ глубинѣ его погибнуть; стань мысленно у гроба Преподобнаго, имись вѣрою за святыя мощи его, и потокъ соблазновъ житейскихъ разступится предъ тобою, ты прейдешь его, какъ Елиссей Іорданъ, безвредно. Предъ тобою потокъ неправеднаго прибытка, стопы твои скользятъ подъ нимъ; ты готовъ повергнуться во глубину его стремглавъ: спѣши мысленно къ чудесной милоти Преподобнаго, укройся подъ нее сердцемъ смиреннымъ, воззови къ нему изъ глубины души о помощи; — и потокъ раздѣлится, корысть неправедная представится тебѣ во всей ея черпотѣ и потеряетъ силу влечь тебя за собою. Тебѣ оказана насправедливость, ты оскорбленъ жестоко; потокъ гнѣва кипитъ въ сердцѣ, и готовъ излиться въ словахъ студныхъ, въ ропотѣ и хулѣ: вспомни о милоти Преподобнаго, о томъ, что ты лобызалъ святыя мощи его, и уста, отверстыя на хулу, сомкнутся.

Такъ надобно поступать и въ другихъ случаяхъ. Не должно скучать, если святая милоть не вдругъ окажетъ свое благотворное дѣйствіе. И Елиссей милотію Иліиною не вдругъ раздѣлилъ Іорданъ, долженъ былъ повергнуть въ него сію милоть дважды. *И удари Елиссей воды второе*, пишется въ Книгѣ царствъ,

и разступишася воды сюду и сюду, и прейде по суху. Такъ поступай и ты; ставь себя мысленно какъ-можно чаще у святыхъ мощей Угодника, и не отступай отъ него, доколѣ не почувствуешь въ себѣ присутствія благаго и крѣпкаго духа его. Ибо не напрасно-же онъ оставилъ намъ всѣмъ такую милоть — свои нетлѣнныя мощи, когда мы напрасно не оставимъ нигдѣ своего платья. Аминь.

СЛОВО,

ПРИ ПРОЩАНІИ СЪ ПАСТВОЮ ВОЛОГОДСКОЮ,

СКАЗАННОЕ ВЪ ЗИМНЕМЪ ВОЛОГОДСКОМЪ СОБОРѢ *.

Нынѣ день предпразднества Срѣтенія Господня; а для меня день прощанія съ тобою, возлюбленная паства Вологодская! О, если-бы и мнѣ, подобно Симеону, можно было сказать при семъ: *Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко, по глаголу твоему съ миромъ; яко видѣста очи мои спасеніе твое!* По крайней мѣрѣ, и я отхожу отселѣ не по волѣ своей, а по глаголу Твоему, Господи, изреченному устами Помазанника Твоего. По крайней мѣрѣ, среди краткаго служенія

---

* Февр. 1, 1842 года.

моего здѣсь, и я не желалъ видѣть, и надъ собою и надъ всею паствою Вологодскою, ничего болѣе, кромѣ спасенія Твоего. Твоей вседержавной волѣ угодно, чтобы я шелъ возвѣщать сіе спасеніе въ страну другую: съ благоговѣніемъ пріемлю исходящую отъ лица Твоего новую судьбу мою! Покой или трудъ, радость или скорбь срѣтятъ меня на новомъ мѣстѣ служенія; я равно приму ихъ; ибо они отъ руки Твоей. Ты не подашь вмѣсто хлѣба камней тѣмъ, кои *чаютъ* къ Тебѣ, Тебѣ единому!

Не дивно, братія, если жезлъ служенія пастырскаго такъ часто обращается въ жезлъ странническій. Кому же, какъ не пастырямъ Церкви приличнѣе показывать самымъ внѣшнимъ образомъ жизни своей, что мы всѣ не имѣемъ *здѣ пребывающаго града, но взыскуемъ градущаго?* (Евр. 13, 14). Единаго надобно желать и просить у Господа, чтобы наше странствованіе было подобно странствованію древнихъ св. пастырей и учителей Церкви, кои откуда ни отходили, всюду оставляли миръ и благодать, куда ни являлись, всюду приносили радость и благословеніе.

Единъ вѣчный и неизмѣнный Архіерей, *прошедый* не землю токмо, но и *небеса*, Господь нашъ, Іисусъ Христосъ: къ Нему обращайте постоянно взоры и

сердца ваши; ибо Онъ единъ и *той же вчера, днесь и во вѣки* (Евр. 13, 8). А мы всѣ, кто-бъ ни были, есмы токмо временные приставники и споработники въ великомъ дому Его, который есть Церковь: одинъ посѣялъ, другой полилъ, третій оградилъ посѣянное, а возраститъ дѣло Его, Его единаго!

Если что можетъ и должно служить къ утѣшенію нашему при разлукѣ; то это вѣсть, что къ вамъ грядетъ пастырь, какого только могли желать и вы и я, — пастырь, бывшій для меня нѣкогда наставникомъ въ наукахъ, и коего доселѣ желалъ бы имѣть наставникомъ въ жизни духовной, который отъ лица цѣлой Церкви Россійской присутствовалъ при возстаніи, можно сказать, изъ гроба Церкви Новогреческой, который самъ потомъ, въ качествѣ Сопастыря, предстоялъ уже тремъ великимъ Церквамъ отечественнымъ. Такой Пастырь можетъ ли — не продолжить, если что было у насъ дѣйствительно добраго? не усовершить, если что требуетъ усовершенія? не начать и не сдѣлать всего, что окажется нужнымъ для блага паствы Вологодской? —

Предавъ такимъ образомъ судьбу свою снова въ волю Всеблагаго и Всемогущаго, будучи спокоенъ духомъ и за судьбу твою, Богомъ хранимая паства, я съ ми-

ромъ исхожу изъ сего храма, съ миромъ оставляю въ немъ жезлъ пастыреначальства, освященный преподобною десницею толикихъ святителей Божіихъ и освятившій мои слабыя руки.

Простите, святые Угодники Вологодскіе, простите и благословите на путь дальній, продолжайте обитать духомъ во храмѣ, посвященномъ вашему имени; но не оставляйте одушевлять молитвами и слабаго создателя его! Прости, Ангелъ Церкви Вологодской, и вознеси въ послѣдній разъ послѣднее здѣшнее моленіе наше о благѣ страны сей, прости и покрой твоею любовію и молитвами недостатки служенія нашего! Простите пастыри Церкви и продолжайте являть ту ревность къ дѣлу Божію, то забвеніе для сего всѣхъ выгодъ земной жизни, коимъ вы утѣшали насъ! Простите, живые и мертвые, живые коихъ намъ должно было наставлять, мертвые, къ коимъ мы сами ходили учиться!

Что сказать въ послѣдній разъ тебѣ, возлюбленная паства Вологодская, первая паства моя, мой *Рувимъ*, *начало* (Быт. 49, 3) и духовныхъ трудовъ, и духовнаго веселія моего въ служеніи пастырскомъ? Чего пожелать вамъ, братія, разставаясь съ вами навсегда? Скажу то-же, и пожелаю того-же и въ послѣдній разъ, чего желалъ при первомъ свиданіи: благодать Господа

нашего Іисуса Христа, и любы Бога и Отца и причастіе Духа Святаго да будетъ со всѣми вами! Да будетъ всегда и вездѣ! Да почіютъ сія благодать и сей миръ на васъ и чадахъ вашихъ, да вселятся въ домы и сердца ваши, да утвердятъ васъ во всемъ благомъ и праведномъ, да срѣтятъ васъ въ тотъ послѣдній часъ, когда ничего не будетъ нужно вамъ, кромѣ благодати и милости Божіей! И сія благодать и миръ не обыдутъ и не оставятъ васъ, если только вы, занимаясь каждый дѣлами званія сего, не будете забывать единаго на потребу; если располагая жизнь и поступки свои не по духу вѣка, а по заповѣдямъ Евангелія, будете со смиреніемъ и вѣрою пользоваться тѣми средствами ко спасенію, кои въ такомъ обиліи предлагаетъ всѣмъ и каждому св. Церковь; если, наконецъ, среди самыхъ слабостей и вольныхъ и невольныхъ грѣхопаденій, не будете предаваться ни безчувствію душевному, ни отчаянію и ожесточенію, омывая пятна совѣсти слезами покаянія. О, братія, не забывайте Бога и вѣчности, не забывайте души и совѣсти, не забывайте смерти и суда страшнаго, не забывайте покаянія и любви Христіанской! Все видимое, славное, прелестное минетъ, обратится въ прахъ, исчезнетъ навсегда, а душа и совѣсть останутся; и такъ, не забывайте ихъ!

Се мое послѣднее желаніе, мой послѣдній совѣтъ и завѣтъ вамъ! Для меня не будетъ большаго утѣшенія и радости духовной, какъ слышать, что вы ходите въ любви и истинѣ, что среди васъ живетъ духъ смиренія, взаимнаго уваженія и милосердія Христіанскаго, что домы и семейства ваши украшаются чистотою нравовъ и скромностію. О семъ молилъ я Господа здѣсь, о семъ-же буду молить и вездѣ. Подобной памяти, то есть молитвъ о мнѣ, прошу и у васъ. Когда будете собираться паки въ семъ храмѣ на молитву; то вспомните, что у сего престола предстоялъ человѣкъ, который, не смотря на недостоинство свое, укрѣпляясь вѣрою, съ дерзновеніемъ воздѣвалъ о васъ руки къ небу, и, воспомянувъ о семъ, излейте молитву, да Господь благопоспѣшитъ и путь и новое служеніе мое. Отнынѣ единъ союзъ между нами — союзъ вѣры, любви и молитвы! Да не разрывается онъ никогда! Да даруетъ Господь срѣтиться намъ нѣкогда и тамъ, гдѣ всѣ пастыри и всѣ пасомые составятъ едипое стадо, подъ единымъ вѣчнымъ Пастыреначальникомъ, гдѣ, свидѣвшись, уже никогда не разлучаются! Аминь.
